

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Сборник научных трудов

**по материалам
VII международной научной конференции**

15 ноября 2015 г.

LJOURNAL.RU

Самара 2015

УДК 001.1
ББК 60

Т34

Тенденции развития науки и образования. Сборник научных трудов, по материалам VII международной научно-практической конференции 15 ноября 2015 г. Самара / Отв. ред. д-р пед. наук, проф. Н.У. Ярычев. - Самара: Изд. НИЦ «Л-Журнал», 2015. – 60 с.

ISBN 978-5-9907360-6-1

DOI: 10.18411/lj2015-11-s

В сборнике научных трудов собраны материалы из различных областей научных знаний. В данном издании приведены все материалы, которые были присланы на VII международную научно-практическую конференцию **Тенденции развития науки и образования**

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в сборнике, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Электронная версия сборника доступна на сайте научно-издательского центра «Л-Журнал». Сайт центра: ljournal.ru

УДК 001.1
ББК 60

ISBN 978-5-9907360-6-1

© LJournal.ru, 2015

Содержание

НАУКА КАК ПОИСК ПРИОРИТЕТНЫХ МОДЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ).....	4
Абдуев М.Х., Хасуев А.Э. Управленческая культура: содержание и направления развития...6	
Абдулаева Э.С. Социальная защита населения в Чеченской Республике: проблемы и пути их решения.....	8
Алгаев А.Н. Коммуникативная мобильность как основополагающая характеристика будущих педагогов-психологов.....	10
Алгаев А.Н. Использование на занятиях ролевых эвристических диалогов между студентами в целях формирования коммуникативной мобильности.....	13
Булueva Ш.И. Социально-психологические особенности современных мужчин и женщин .	17
Гантамиров Т.Т. Социально-философские аспекты межнациональных отношений в современной России	20
Дудаев Г.С., Маликова Е.В. Лидерство как основа формирования будущего руководителя	22
Инаркаева С.И. О проблеме «народности» литературы в современных исторических условиях.....	24
Курбанова Л.У. Формирование идентификационных стратегий в иноэтничной среде чеченцев-мигрантов в контексте гендера	26
Тазуркаев У.И. Религиозная идентичность и культура толерантности в условиях глобализации современного общества.....	30
Тазуркаев У.И. Основные подходы к пониманию радикализма в Исламе	33
Умархаджиева С.Р. Особенности социальной работы с военнослужащими.....	35
Хасуев А.Э. Досуг как основная форма жизнедеятельности современной молодежи.....	38
Ярычев Н.У., Алгаев А.Н. Теоретико-методологические принципы развитие коммуникативной мобильности будущих педагогов-психологов в процессе профессиональной подготовки в вузе.....	40
Ярычев Н.У., Яударова Н.Ю. Специфика проявлений произвольности поведения в младшем школьном возрасте: факторы, влияющие на регуляцию их поведения.....	42
Ярычев Н.У. Формирования гендерных установок в традиционной чеченской культуре.....	46
Ярычев Н.У. Россия в рамках единого европейского образовательного пространства: болонский процесс как основа стратегического развития (аналитический подход к противоречиям).....	48
Ярычев Н.У. К вопросу исследования особенностей внутр поколенческой и межпоколенческой социокультурной мобильности.....	51
Ярычев Н.У. Трансформация отечественного рынка труда и актуализация вопросов занятости населения: проблемы и способы разрешения.....	53
Яударова Н.Ю. Организация образовательной деятельности с детьми с особыми образовательными потребностями в условиях инклюзивного образования.....	56

НАУКА КАК ПОИСК ПРИОРИТЕТНЫХ МОДЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

В настоящее время, как и много веков назад, наука продолжает играть очень важную роль в жизнедеятельности общества, определять дальнейшие горизонты его поступательного и целенаправленного развития. Наука, как фундаментальный социальный институт, способствует более предметному пониманию окружающего нас мира, заставляет оформлять нашу порой хаотичную деятельность в определенную форму, тем самым демонстрируя свой институциональный характер. Ведь не зря утверждал известный немецкий физик, лауреат Нобелевской премии Альберт Эйнштейн, что «Наука – это попытка привести хаотическое многообразие нашего чувственного опыта в соответствие с некоторой единой системой мышления».

Наука выступает важной сферой формирования высокоинтеллектуальной личности, способствует наиболее существенному развитию механизмов восприятия окружающего нас сложного мира. «Личность развивается в силу возникновения в ее жизни внутренних противоречий. Они обуславливаются ее отношениями к окружающей среде, ее успехами и неудачами, нарушениями равновесия между индивидом и обществом» [1, с. 320].

В век высоких технологий и расширяющегося информационного пространства, в котором так быстро теряется человеческая сущность, все также высоко востребовано живое слово, пронизанное призывом к бесконечному поиску смысла бытия. Гуманитарная наука не перестаёт быть нравственным индикатором современного общества, она, хотя порой и с трудом, но все же помогает нам обретать объективные истины, так необходимые в это противоречивое и неоднозначно воспринимаемое время. «Культ наук в самом высоком смысле этого слова, – писал великий французский учёный Луи Пастер, – возможно, еще более необходим для нравственного, чем для материального процветания нации... Наука повышает интеллектуальный и моральный уровень; наука способствует распространению и торжеству великих идей».

Отталкиваясь от этих замечательных слов, хочется констатировать, что сегодня Чеченская Республика, наряду со многими субъектами Российской Федерации, переживает бурный рост человеческого капитала, при этом постоянно находясь в поиске наиболее эффективных форм и методов его успешной реализации. Ярким подтверждением тому являются кардинальные преобразования в социально-экономической, культурной и политической сферах республики, произошедшие в последнее десятилетие. Несомненно, в этом огромная и безусловная заслуга Главы Чеченской Республики, Героя Российской Федерации Р.А. Кадырова, видящего всю свою суть в ежедневном служении на благо народа и процветание родной республики. «Мы с Вами свидетели тех огромных усилий, которые руководство республики во главе с Главой Р.А. Кадыровым прилагает для решения проблемы и повышения социально-экономической и инвестиционной привлекательности региона» [2, с. 320].

Одним из приоритетов государственной социальной политики Чеченской Республики, несомненно, является сфера образования, особенно высшая школа, выступающая кузницей научных кадров и педагогов для образовательного пространства региона. Три высших учебных заведения (Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М.Д. Миллионщикова; Чеченский государственный университет, Чеченский государственный педагогический университет), расположенных на территории Чеченской Республики, играют важную роль в социальной и экономической сферах, гарантируя воспроизводства интеллектуального потенциала.

Последние пять лет руководство республики определило образование своим стратегическим приоритетом, что отражается в практической реализации комплекса мер, направленных на его дальнейшее функциональное развитие.

Издание данного сборника смело можно отнести к такого рода плодотворным мероприятиям, ибо труд исследователей и учёных республики всегда оценивается на самом высоком уровне. В стенах Чеченского государственного университета трудится большой творческий коллектив, чьи научные изыскания пользуются заслуженным авторитетом в

российском научном сообществе, отдельные из которых представлены и в этом небольшом по объёму сборнике статей.

Данный сборник был задуман ещё летом этого года и тихо ждал своей скромной судьбы, которая, к счастью, стала реальностью, благодаря Самарской Группе компаний «Интеллект» и лично ее президенту Владиславу Иванову, оптимистично взявшего за притворнее его в жизнь. Таким образом, научные идеи наших коллег нашли своё отражение в Сборнике трудов по материалам седьмой международной (заочной) научно-практической конференции под названием «Тенденции развития науки и образования», которая состоялась 15 ноября 2015 года в г. Самара.

В сборник трудов конференции вошли научные статьи преподавателей юридического факультета, Института чеченской и общей филологии, факультета государственного управления Чеченского государственного университета, среди которых есть маститые и известные как в республике, так и далеко за её пределами учёные (Л.У. Курбанова, доктор социологических наук, профессор, С.И. Инаркаева, кандидат филологических наук, доцент), так и молодые начинающие преподаватели и исследователи (Е.В. Маликова, Г.С-Х. Дудаев, А.Э. Хасуев, Н.Ю. Яударова, А.И. Тазуркаев и т.д.), упорно ищущие свою индивидуальную дорогу в огромной стране под названием «Наука».

Такая страсть к науке порождает поиск и самого себя, и ответы на самые сложные и замысловатые вопросы, порой неподдающиеся логическому мышлению. Но в этом и заключается самое удивительное, поиск открывает исследователю все новые и новые невозделанные горизонты, ждущие своего заветного часа. «...Нет ничего чудеснее человеческого мозга, – утверждал русский писатель Алексей Горький, – нет ничего более изумительного, чем процесс мышления, ничего более драгоценного, чем результаты научных исследований...».

Хочется отметить, что статьи авторов, несомненно, посвящены актуальным научным проблемам, в которых отражены наиболее существенные стороны жизни и нашего региона, и страны в целом. В них рассматриваются вопросы, касающиеся социальной проблематики, духовно-нравственного развития, образовательной политики, философского анализа этнических особенностей, а также проблемы молодёжного сообщества.

Думается, что данный сборник станет ярким началом и заложит твёрдые основы для последующих исследовательских традиций исследователей, представляющих различные научные школы Чеченского государственного университета, в недавнем прошлом обретшего второе счастливое рождение.

Отрадно, что оргкомитет данной конференции принял решение выставить сборник трудов в отечественной наукометрической системе Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на сайте научной электронной библиотеки по адресу: elibrary.ru. Это, на наш взгляд, позволит авторам отследить и повысить собственную публикационную активность, а коллегам из других регионов и вузов нашей страны ознакомиться с их содержанием.

Подводя итоги, хочется пожелать коллегам дальнейших творческих успехов и научных свершений на благо нашего региона и России. Итак, в добрый путь!

Ответственный редактор,
доктор педагогических наук, профессор
Н.У. ЯРЫЧЕВ

Литература

1. Ярычев Н.У. Особенности развития конфликтологической культуры учителя в условиях самообучающейся организации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2011. – № 20. – С. 332.
2. Ярычев Н.У. К новому пониманию роли молодежи в социально-экономическом развитии чеченской республики: поиск приоритетных моделей // Европейский журнал социальных наук (European Social Science Journal). – 2014. – № 7-1 (46). – С. 320.

Абдуев М.Х., Хасуев А.Э.

Управленческая культура: содержание и направления развития

Чеченский государственный университет (Россия, Грозный)

doi:10.18411/lj2015-11-s-01

В современных условиях образования специалиста в сфере управления, особое внимание должно оказываться на формирование управленческой культуры специалиста в области менеджмента. Управленческая культура очень устойчива и носители не осознают её, с неизменностью воспроизводят её автоматически. Многочисленные шаги, которые предпринимаются на данный момент для борьбы со сложившейся культурой управления, с целью быстрого, мгновенного её изменения кажутся в большинстве случаев обреченными на неудачу.

Подготовка будущих специалистов не может быть полностью обеспечена благодаря усвоению определенного количества политических и экономических понятий. А нужно разработать рычаги, которые позволяют выработать комплекс необходимых знаний, ценностей и умений, эффективное и правильное использование ограниченных ресурсов и другие способности, которые необходимы сегодняшнему специалисту для быстро меняющихся условий жизни и общества» [2, с.352].

Формирование культуры – долгий процесс, таким же долгим будет и процесс ее изменения. Но сложившаяся в России управленческая культура, при всем ее своеобразии, является очень богатой и гибкой. Открывается множество возможностей не бороться с ней, а использовать ее ресурсы и достоинства. Для этого ее необходимо знать и учитывать ее влияние и в процессе управления, и при консультировании организаций.

Прежде чем продолжить рассматривать такое понятие как «управленческое культура», надо отметить, что не существует единого мнения и определения по данному понятию.

Такие учёные как А.И. Наумов и О.С. Виханский считают, что понятием «управленческая культура» являются предположения, которые принимают члены организации, задающие вектор их действий и поведения.

К. Шольтс считал, что управленческая культура является невидимым, неявным и неформальным сознанием, воздействует на поведение людей в организации и само формируется под влиянием поведения членов организации.

Э. Шайн отмечал, что виды управленческой культуры отвечают на два важных вызова, с которыми встречается организация: агрессивная внешняя среда и раскол между сотрудниками внутри организации. Соответственно, основными задачами организации являются – адаптация к внешней среде и объединение сотрудников в целостную систему. Сплоченность членов организации необходимо для создания эффективных деловых отношений среди структур и различных групп организации, для вовлечения всех работников к решению проблемы и поиска наиболее эффективных путей решения.

Таким образом, управленческая культура представляет собой совокупность общих идей, ценностей, убеждений, которые являются общими для всех работников организации, предопределяющие нормы поведения и сплочённость в достижении целей организации.

Те ценности, которые исповедует та или иная компания отражает её индивидуальность.

К основным признакам управленческой культуры относят:

- отражение в миссии организации ее основных целей;
- направленность на решение производственных задач организации или личных проблем ее участников;
- степень понимания риска;
- мера соотношения конформизма и индивидуализма;
- принятие коллегиальных или индивидуальных решений;

- уровень подчиненности планам и регламентам;
- преобладание сотрудничества или соперничества среди участников;
- преданность или отстранённость людей по отношению к организации;
- ориентация на самостоятельность, независимость или подчиненность;
- характер отношения начальства к персоналу;
- направленность на групповую или индивидуальную организацию труда и стимулирования;
- нацеленность на стабильность или изменения;
- роль и источник власти;
- средства адаптации;
- стиль управления, отношения между начальством и работниками.

В процессе человеческой деятельности, культура вырабатывается и изменяется. Взаимодействуя друг с другом, люди, в течение времени формируют отношения между собой, развивают нормы и ожидания друг от друга, которые оказывают сильное влияние на их дальнейших отношениях.

Эти процессы, как правило, обусловлены внешним воздействием, в том числе и целенаправленным. На организационную культуру извне влияют социальное окружение, национальный, государственный и этнический факторы.

Ладанов И.Д. отмечает важность менталитета, его большое влияние на соблюдение сотрудниками своих обязанностей и повседневное их поведение. [3, с. 43].

Специалисты выделяют две важные особенности культуры:

1. Многоуровневость. Поверхностный уровень формирует форму коммуникаций, поведение людей, ритуалы, логотипы, девизы и пр. Средний уровень образует коренные ценности организации. Философией организации представлен глубинный уровень.
2. Многогранность. Во-первых, культура организации состоит субкультур отдельных структур или социальных групп, живущих под «крышей» общей культуры фирмы. Во-вторых, культура фирмы включает субкультуры разных направлений – управление, деловое общение, взаимоотношения.

Культура выполняет несколько важных функций по отношению к организации.

- Функция охраны проявляется в создании защитного механизма, который защищает организацию от негативных воздействий извне. Данная функция реализуется посредством различных ограничений.
- Функция интеграции формирует чувство принадлежности к организации, желание включиться в неё, отождествлять себя с ней.
- Функция адаптации облегчает процесс приспособления сотрудников друг к другу и к самой организации. Она вовлекает в культуру организации через нормы поведения, традиции и обряды, которые также осуществляют воспитание сотрудников.
- Функция регулирования поддерживает и контролирует правила и нормы поведения людей, принятые в фирме.
- Функция ориентации направляет деятельность фирмы в направлении заданной цели.
- Функция мотивации создаёт условия для внутреннего побуждения к действию сотрудников.
- Функция имиджа создаёт уникальный и неповторимый образ в глазах людей.

Люди разных этнических и национальных культур воспринимают действительность неодинаково. Национальный фактор влияет на любую организационную культуру [1, с. 54-55].

Нужно иметь в виду, что сильная культура, будучи эффективной в одном месте, в другом месте её эффективность будет слабой. На стадии возникновения организации или при смене управляющего аппарата, специалисты по менеджменту считают, что в управлении

преобладает культура власти, на стабильном этапе развития преобладает культура задач и личности, в период кризиса преобладает культура власти.

Культура охватывает весь процесс управления от начала и до конца, играет большую роль в налаживании общения, формирует восприятие и интерпретацию как вербальной, так и невербальной средств коммуникации. «Качество деятельности политической элиты страны зависит от того, насколько компетентными окажутся будущие специалисты государственного управления» [4, С. 424].

Список используемых источников информации

1. Беляцкий Н.П. Техника работы менеджера. – Минск: Издательство «Старт», 2002. – С. 54-55.
2. Дудаев Г.С-Х. Компетентностный подход и понятие «управленческая компетентность» в процессе профессиональной подготовки будущих специалистов государственного управления // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 6-2. – С. 350-354.
3. Ладанов И.Д. Практический менеджмент. – М., 2000. – С. 43.
4. Ярычев Н.У., Дудаев Г.С-Х. Структура и содержание управленческой компетенции будущего специалиста государственного управления // *Фундаментальные исследования*. – № 11. – 2014. – С. 424.

Абдулаева Э.С.

Социальная защита населения в Чеченской Республике: проблемы и пути их решения *Чеченский государственный университет (Россия, Грозный)*

doi:10.18411/lj2015-11-s-02

Появление в Чеченской Республике высокого уровня социального расслоения, охватывающего все социально-профессиональные группы – от массовой интеллигенции до многочисленной категории людей физического труда представляет опасность для государства. «Период конца XX и начала XXI века, – пишет Н.У. Ярычев, – был насыщен различными политическими, культурными, социальными и экономическими потрясениями, породившими большое количество проблем в различных сферах общественной жизнедеятельности. Наша страна перешла от форм социалистического хозяйствования – плановой экономики, на совсем иную модель экономического развития общества – рыночные отношения, становление которых также сопровождалось различного рода кризисными тенденциями и коренными изменениями» [1, С. 209].

Стремление руководства республики к продвижению лишь на одном участке реформ – либерализации правил хозяйственной жизни без учета всего комплекса общественных реалий привело к «отставанию социальных тылов». Большинство населения не готово эффективно действовать по новым правилам, нарастает его пассивность и ощущение безысходности устремлений. Когда человек думает о своих повседневных, экзистенциальных потребностях он часто игнорирует «социальные преобразования», которые фиксируются в отчетах руководителей, и не «ощущаются» в его кармане. «На протяжении многих веков в России складывались традиции милосердия и благотворительности, основывавшие гуманистические парадигмы помощи наиболее нуждающимся слоям общества. Во многом это было продиктовано порывом одной из фундаментальных черт русского национального самосознания – помощи и сострадания, стремления принять непосредственное участие в беде ближнего» [2, С. 168].

Можно, конечно, считать, что вначале должны быть осуществлены экономические преобразования, а затем, когда экономика крепко встанет на ноги, очередь дойдет до человека. Однако отметим, что без мобилизации социальной энергии народа в огромных масштабах идет растрата накопленного ранее квалификационного, интеллектуального, духовного и физического потенциала народа.

В Чеченской Республике вместо эффективной, профессиональной работы в области социальной защиты населения, призванной «облегчить», «разъяснить» и «помочь» клиенту без ущемления его чувства собственного достоинства, мы наблюдаем политику руководства

типа «латания дыр», так сказать, «быстрого реагирования». Подобная политика демонстрирует «щедрость» руководства и неспособность на «месте» решить проблемы, трудности, возникающие каждодневно в жизни людей. Становится также очевидной бесплодность подобной политики решить хоть одну крупную проблему в социальной защите населения.

Существующие программы социальной помощи не оказывают достаточного влияния на снижение уровня бедности, поскольку основная часть ресурсов, выделяемых в рамках реализации указанных программ, распределяется в пользу небедных категорий населения. Дети из бедных семей имеют значительно меньше возможностей, чем дети из обеспеченных семей, на получение высшего и средне-профессионального образования, что в дальнейшем ведет к снижению их конкурентоспособности на рынке труда.

Поэтому нам необходимо принять ряд мер для выхода из сложившейся ситуации:

- обеспечение макроэкономической стабильности, роста денежных доходов населения;
- повышение эффективности программ социальной защиты;
- совершенствование механизмов социального партнерства.

Для решения проблем необходимо подвергнуть трансформации формы и методы работы органов социальной защиты населения, которые должны быть направлены на создание единой системы обеспечения занятости и социальной защиты населения, обеспечение координации деятельности органов социальной защиты населения, органов служб занятости населения и органов, осуществляющих предоставление жилищных субсидий и иных форм социальной помощи, на основе совместного планирования и реализации социальных программ, а также использования единой информационной базы данных.

Необходимы также меры, направленные на повышение доступности профессионального образования для детей из бедных семей, в том числе предусматривающие реализацию программ, разработанных с участием органов социальной защиты населения и органов образования.

Особое внимание должно быть уделено обеспечению эффективного взаимодействия органов социальной защиты населения и органов служб занятости населения с негосударственными организациями, деятельность которых направлена на оказание помощи нуждающимся категориям населения, а также с представителями делового сообщества. Необходимо обеспечить развитие механизмов частно-государственного партнерства, позволяющих объединять средства государства и частных благотворителей, а также привлекать негосударственные организации для совместной разработки и реализации программ сокращения бедности на условиях государственного социального заказа, социальных грантов и в иных формах. Следует усилить адресный характер предоставления государственной социальной помощи, учитывающий как доходы, так и особенности различных групп населения, нуждающихся не только в материальной, но и в иных видах социальной поддержки. Это позволит оптимизировать систему социальной помощи и направить бюджетные средства в пользу особо нуждающимся гражданам.

Необходимо совершенствование системы социального обслуживания граждан, оказавшихся в сложной жизненной ситуации, повышение качества и объема предоставляемых услуг, в том числе направленных на реабилитацию и социальную интеграцию инвалидов.

Повышение качества и доступности государственных социальных услуг требует развития страховых механизмов, а также создания новых моделей управления социальной инфраструктурой. Для решения задачи необходимо формирования рынка социальных услуг с равными возможностями для поставщиков, предоставляющих государственные и негосударственные социальные службы.

Кроме того, необходимо создание системы социальной реабилитации групп повышенного риска бедности, включая лиц, отбывших срок лишения свободы, и лиц, страдающих наркотической и алкогольной зависимостью.

Таким образом, в нынешних сложных условиях стратегической задачей является рост благосостояния граждан, создание для людей возможностей для самореализации и обеспечение населению страны достойного существования и уверенности в будущем.

Ранее, мы отмечали, что без мобилизации социальной энергии народа идет растрата духовного и физического его потенциала. Но что мешает мобилизации сил? Может в первую очередь отсутствие перспективы быть справедливо оцененным. Многие граждане Чеченской Республики предпочитают жить и работать за ее пределами исходя из вышесказанного. Ведь те меры, которые мы указали, не являются «новыми» в области социальной защиты населения.

Список используемых источников информации

1. Ярычев Н.У. Опыт реализации государственной социальной политики в чеченской республике: к вопросу о проблемах становления и дальнейшего развития // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – № 1. – 208. – С. 209.
2. Ярычев Н.У. Становление и развитие отечественной парадигмы социальной помощи и поддержки нуждающихся: историко-социокультурный обзор / Н.У. Ярычев [Текст] // Молодой ученый (ежемесячный научный журнал). – № 3. – 2009. – С. 168.

Алгаев А.Н.

Коммуникативная мобильность как основополагающая характеристика будущих педагогов-психологов

Чеченский государственный университет (Россия, Грозный)

doi:10.18411/lj2015-11-s-03

По нашим данным, к квалифицированной психологической консультации готовы обратиться более 32% руководителей общеобразовательных учреждений. Порядка 54,7% учителей испытывают различного рода трудности во взаимодействии с учащимися и их родителями. Немалая часть учителей (34,8%) систематически сталкиваются с проблемами в общении с руководством общеобразовательного учреждения и своими коллегами. При этом полученные нами данные не противоречат результатам, отраженным в исследованиях Т.И. Васильевой, Н.Ю. Ереминой, Е.Н. Устюжаниновой и некоторых других авторов. В ряде источников содержатся выводы, указывающие на существование связи между отсутствием должности психолога на предприятии или в учреждении и усугублением психологического климата в соответствующем коллективе, а также снижением производительности труда. Эти выводы со всей очевидностью могут быть экстраполированы и на учреждения образовательной сферы, что указывает на то существенное значение, которое сегодня играет педагог-психолог в современной школе. «Внимание, которое сегодня уделяется профессиональной подготовке педагогов-психологов, определяется стремлением общества и государства результативно решать задачи в сфере общего образования. Практика убедительно показывает, что для этого оказывается недостаточным профессионализм исполнителей. Важное значение приобретает психологическое сопровождение деятельности и взаимодействия субъектов образовательных отношений в общеобразовательном учреждении» [1, с. 7].

Учитывая совместный и кооперативный характер деятельности педагогов-психологов, специфику ее осуществления в различных условиях общеобразовательного учреждения, имеет смысл говорить о приоритете развития у будущих педагогов-психологов в процессе профессиональной подготовки в вузе коммуникативной мобильности. С тем, чтобы определиться с педагогическими инструментами к реализации этой важной задачи,

установим сущность непосредственно коммуникативной мобильности будущих педагогов-психологов.

В данном случае в качестве родового понятия выступает термин «мобильность», смысл которого в справочной литературе передается посредством слов «мобильный» и «мобилизация».

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова мобильный трактуется как «подвижный, способный к быстрому и скорому передвижению, действию; портативный» [2, с. 348]. Значение слова «мобилизация» (в смысле «общая мобилизация») в «Большом толковом словаре русского языка» Д.Н. Ушакова раскрывается как «приведение кого-чего-нибудь в состояние, обеспечивающее успешное выполнение какой-нибудь задачи» [3, с. 331]. Соответственно мобилизация может быть представлена как подвижность или способность к быстрому передвижению, готовность к действию. В узком смысле о мобильности можно говорить и как о портативности.

Это обстоятельство раскрывает причину появления данного термина в научном и прикладном обороте. Считается, что мобильность является отражением тенденций интенсификации производства, необходимостью приспособления работников к новым или изменяющимся условиям профессиональной деятельности. Это в полном мере относится и к педагогам-психологам общеобразовательных учреждений, которые сегодня переживают кардинальные преобразования, вызванные, в первую очередь, переходом на новые образовательные стандарты.

В отечественных научных публикациях мобильность чаще всего определяется как способность или готовность работников изменять свое социальное (социально-профессиональное) положение, а также систематически обновлять содержание осуществляемых функций в сложившейся системе занятости. Отметим, однако, что такое понимание мобильности характерно, прежде всего, для кадрового менеджмента. Подтверждение тому мы обнаруживаем в исследованиях Р.З. Баляговой, Ю. Вениге И.Л. Григорьевой, С.Е. Каплиной, С.А. Кугеля, О.В. Любимовой, В.В. Новикова.

Мобильность в рассматриваемом там контексте предполагает не только трансформацию содержания профессиональной деятельности работников, но и преобразование характера и условий ее выполнения. При этом соответствующие изменения отражаются как на статусных, так и на социальных характеристиках работников. Хотя в научной литературе мобильность работников чаще всего отождествляется с изменением их профессионального статуса. Например, С.А. Кугель говорит о мобильности как об изменении профессионального статуса работника, выражающегося в видоизменении его специальности или специализации. Мобильность, по мнению автора, затрагивает изменение его квалификационного уровня, занимаемой должности и места трудовой деятельности.

Рассматривая мобильность в наиболее общем плане, а именно как подвижность и способность к быстрому передвижению, следует сказать и о том, что ее объектом могут выступать как отдельные работники, так и их группы, а также целые трудовые коллективы. Здесь опять же прослеживается специфика кадрового менеджмента, в котором мобильность предстает в качестве одного из проявлений закона перемены труда. Как известно, данный закон устанавливает прямую взаимосвязь между изменением в средствах и технологиях трудовой деятельности и изменением характера экономических отношений в производственных коллективах и между отдельными их представителями. Исходя из этого, в качестве важнейшей функции мобильности в экономической литературе обычно рассматривается обеспечение расслоения кадровых ресурсов, в наиболее полной мере отвечающих потребностям современного производства. Не случайно, здесь мы находим упоминания о необходимой и избыточной мобильности. Авторами полагается, что использование такой терминологии позволяет зафиксировать внимание на том, в каких проявлениях производственных отношений следует стимулировать или, напротив, ограничивать действие процессов мобилизации.

Важное значение в расширении представлений о мобильности имеет обращение к источникам из разных научных дисциплин, поскольку в них, как правило, смещаются акценты на различные стороны данного феномена. Учет этих особенностей, как нам представляется, позволяет получить некое голографическое понимание анализируемого феномена.

Принимая во внимание особенности деятельности педагогов-психологов, а также учитывая то место, которое в этой деятельности отводится коммуникациям, можем перейти к уточнению понятия «коммуникативная мобильность будущих педагогов-психологов». Коммуникативная мобильность будущих педагогов-психологов – это интегративная характеристика, отражающая их способность адаптироваться к осуществлению эффективной коммуникации в различных условиях психопросветительской, психопрофилактической, консультационной, психокоррекционной и психодиагностической работы и приводить коммуникативные знания, умения и опыт в состояние наивысшей готовности к взаимодействию с различными участниками образовательных отношений в школе. «Коммуникативная мобильность будущих педагогов-психологов... понимается как интегративная характеристика, отражающая способность адаптироваться к осуществлению эффективной коммуникации в различных условиях психопросветительской, психопрофилактической, консультационной, психокоррекционной и психодиагностической работы и приводить коммуникативные знания, умения и опыт в состояние наивысшей готовности к взаимодействию с различными участниками образовательных отношений в школе. Развитие коммуникативной мобильности будущих педагогов-психологов связывается с их внутренней активностью, а также направленностью на изменение своего отношения к содержанию и характеру осуществляемой коммуникативной деятельности» [4, с. 2035].

Как мы и предполагали, данное определение построено по принципу «через ближайший род и видовое отличие». Хорошо прослеживается присутствие в определении признаков родового понятия – профессиональной мобильности. Эти признаки находят отражение в таких формулировках, как «адаптироваться к осуществлению эффективной коммуникации» и «приводить ... знания, умения и опыт в состояние наивысшей готовности». Видовое отличие раскрывается не только акцентированием внимания на коммуникативной составляющей в профессиональной деятельности будущих педагогов-психологов («эффективная коммуникация», «коммуникативные знания, умения и опыт», «готовность к взаимодействию»), но и учетом специфики их профессиональной деятельности («психопросветительская, психопрофилактическая, консультационная, психокоррекционная и психодиагностическая работа», «взаимодействие с различными участниками образовательных отношений в школе»). При этом заметим, что в качестве участников образовательных отношений предполагаются учителя, учащиеся и их родителями, с которыми педагоги-психологи осуществляют непосредственное взаимодействие. Кроме того, говоря о коммуникации в деятельности будущих педагогов-психологов мы также имели ввиду три ее основных контекста: установление связи с различными объектами окружающей педагогической действительности, осуществление общения, массовый обмен информацией.

Полагаем, что подобный подход к определению ключевого понятия нашего исследования является целесообразным и позволяет более точно определиться с его структурным представлением. Исходя из анализа публикаций, лежащий в плоскости рассматриваемой проблемы, в качестве структурных компонентов коммуникативной мобильности будущих педагогов-психологов мы выделили когнитивный, технологический, мотивационно-ценностный и перцептивно-рефлексивный компоненты. Их содержательная интерпретация, а также взаимосвязь с критериями эффективности, используемыми для изучения протекания процесса развития коммуникативной мобильности будет приведена нами во второй главе.

Таким образом, в рамках данной статьи проведено уточнение содержания понятия «коммуникативная мобильность будущих педагогов-психологов». В значительной степени

этому способствовало обращение к современным научным исследованиям, в которых раскрываются теории и концепции мобильности, а также выявление специфики коммуникации в профессиональной деятельности педагогов-психологов. В параграфе также определена структура коммуникативной мобильности будущих педагогов-психологов.

Список используемых источников информации

1. Ярычев Н.У., Алгаев А.Н. Развитие коммуникативной мобильности будущих педагогов-психологов в процессе профессиональной подготовки в вузе: монография. – Кисловодск: изд-во УЦ «МАГИСТР», 2015. – С.7.
2. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов; под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. – 25-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007. – С. 348.
3. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция / Д.Н. Ушаков. – М.: ООО «Дом славянской книги», 2008. – С. 331.
4. Алгаев А.Н., Ярычев Н.У. Педагогические условия развития коммуникативной мобильности будущих педагогов-психологов // Фундаментальные исследования. – № 10. – 2013. – С. 2035.

Алгаев А.Н.

Использование на занятиях ролевых эвристических диалогов между студентами в целях формирования коммуникативной мобильности

Чеченский государственный университет (Россия, Грозный)

doi:10.18411/lj2015-11-s-04

В основе данного педагогического условия находятся значительные возможности диалогической подачи содержания материала учебного занятия, в результате которой осуществляется активный ценностный обмен у будущих педагогов-психологов. Использование подобного формата учебного взаимодействия определяется переходом к субъект-субъектной парадигме высшего образования и приоритетом личностного и неформального общения. «Внимание, которое сегодня уделяется профессиональной подготовке педагогов-психологов, определяется стремлением общества и государства результативно решать задачи в сфере общего образования. Практика убедительно показывает, что для этого оказывается недостаточным профессионализм исполнителей. Важное значение приобретает психологическое сопровождение деятельности и взаимодействия субъектов образовательных отношений в общеобразовательном учреждении» [1, с. 7].

Отметим, что в последние годы активно разрабатываются идеи и концепции межличностной коммуникации, которые опираются на различные аспекты диалогического общения, что, как несложно предположить, инициируется проникновением в систему высшего образования диалогического подхода. В научной литературе установлено, что диалогический подход предусматривает приоритет индивидуальной исключительности каждого участника диалога.

Среди факторов, определяющих успешность использования диалогического подхода в педагогической деятельности в вузе, Н.Г. Мокшина называет: позитивную эмоциональную расположенность участников диалога; ощущение полноправной включенности субъектов диалогического взаимодействия в определение содержания и форм учебной деятельности; высокую степень удовлетворенности обучающихся на всех этапах познавательного процесса; осмысление возможностей своего роста. Именно это обстоятельство позволяет говорить о диалогическом подходе как своеобразном психологическом фоне обучения студентов.

Ценность применения диалогического подхода в обучении будущих педагогов-психологов заключается еще и в том, что такая форма учебного взаимодействия студентов предполагает активное использование ресурсов общения. Причем, как отмечают некоторые

авторы, задействованными оказываются все ключевые аспекты общения, начиная от элементарного обмена сведениями и заканчивая восприятием друг друга субъектами соответствующей коммуникации.

В энциклопедической и словарной литературе диалог определяется как «попеременный обмен репликами двух и более людей» [2, с. 132]; «двусторонний обмен информацией между личностями с равноправными статусами в ситуации общения» [3, с. 172]; «литературная форма, употребляющаяся для изложения проблемы с помощью диалектики» [4, с. 136].

В некоторых источниках используется термин «диалогическое общение», под которым понимается «форма общения, основывающаяся на априорном внутреннем принятии друг друга как ценностей самих по себе и предполагающая ориентацию на индивидуальную неповторимость каждого из субъектов» [5, с. 109].

Уже приведенных определений вполне достаточно, чтобы сделать вывод о сущности диалога и его месте в коммуникативном взаимодействии. Например, красной нитью проходит мысль о том, что своеобразной средой для возникновения диалога является общение. Причем в некоторых источниках особо подчеркивается, что соответствующее общение устанавливается между равноправными по статусу субъектами. Это замечание, как раз, и оправдывает тот факт, что диалог между преподавателем и студентом может состояться только в условиях гуманно ориентированной парадигмы образования. В нашем же исследовании предполагается использование на учебной занятии ситуации диалога между студентами, которые, по определению, находятся в одинаковых статусных позициях.

Заметим, что диалог находит отражение в самых разных сторонах учебно-познавательной деятельности в вузе. В традиционном смысле сложилось понимание диалога как «разговора или беседы только двоих». Однако справедливо считается, что диалогичность нецелесообразно ограничивать участием только двух субъектов. Природа диалога обуславливается не количественными признаками участвующих сторон, а устанавливаемым между ними характером взаимодействия.

Кроме того, из определений вытекает, что основным атрибутом диалога является двусторонний обмен информацией между его субъектами. Однако, здесь следует сделать важное замечание, связанное с тем, что обмен информацией является основным, но не единственным признаком диалога. Иными словами, диалог нецелесообразно сводить только лишь к обмену информацией. В подтверждении этих слов следует обратиться к А.Н. Леонтьеву, который утверждает, что в процессе «активного обмена информацией» субъекты диалога не только обмениваются знаниями, но и заинтересованы «выработать общий смысл». Другими словами, факт диалога будет считаться состоявшимся, если его субъектами будем осмыслено и понято содержание обмениваемой информации.

Последнее обстоятельство вплотную приближает нас к пониманию того, что в ходе диалога у каждой из его сторон проявляется реальная возможность для обнаружения своих духовных качеств и умственных способностей. В этом, как отмечают некоторые авторы, заключен психологический контекст диалога.

«В технологическом плане это, по словам Г.А. Семеновой, предполагает построение личностно ориентированной ситуации, которая стимулирует проявление личностных функций субъекта диалога и нацелена на накопление им опыта осуществления ценностного выбора, глубокого осмысления способов решения интересующих проблем» [6, с. 49]. По сути, это означает не что иное, как взаимообусловленность предмета диалога и интересов и смыслов партнеров по взаимодействию.

Как следствие, педагогически правильно осуществляемый диалог, по убеждению Г.М. Андреевой, приводит к налаживанию совместной деятельности субъектов. Вообще же у Г.М.

Андреевой представлена достаточно интересная схема межличностного диалога. Как разновидность «разговора», диалог у нее соотносится с последовательной сменой коммуникативных ролей, в рамках которой раскрывается смысл речевого сообщения. При этом функция говорящего субъекта, по мнению автора, связывается с приданием текстового представления передаваемому личностному смыслу. Функция слушающего состоит в восприятии информации, ее смысловой и ценностной оценке и, наконец, преобразование «внутренней речи» во внешнюю форму, которая может быть понята партнерами по диалогу.

С точки зрения понимания психологической интерпретации диалога выводы, сделанные в научной литературе относительно поведения субъектов диалога в процессе формирования совместных решений по его итогам. Установлено, что в процессе диалога симультанно присутствует осознание передаваемой информации, ее эмоциональная трактовка и эмоциональная оценки личности партнера по общению. Последнее принципиально важно с точки зрения уяснения смысла и логики его поступков, а также определения стратегии своего поведения.

Полезным в отношении налаживания диалогических отношений выглядит предложения А.Ю. Шадже. Для полноценного осуществления диалога, по ее мнению, важно понимать, что в его основе лежит разумный и осмысленный способ взаимодействия его участников. При этом последним в процессе включения в диалог важно абстрагироваться от предубеждений и взаимных притязаний, актуализировать мужество и терпение для осуществления взаимодействия. Кроме того, опора на принцип диалогического взаимодействия требует обнаружения и принятия таких позиций, которые бы в максимальной степени отвечали потребностям всех его участников.

В психолого-педагогической литературе доказано, что при выработке стратегии взаимодействия субъекты диалога склонны сравнивать себя с партнерами по общению. Обнаруживается это, в частности, в том, что стороны диалога пытаются встать на место своего партнера и, исходя из этого, адекватно проявлять свое отношение к его проблемам. При этом противоположная сторона намерена осуществлять оценку того, как его воспринимают и проникаются его мыслями.

Исходя из этого, можно сделать важный вывод о том, что рациональным образом построенный диалог обладает психологически ценными атрибутами общения. К ним можно отнести: неподдельный интерес и внимание к личности партнера по диалогу; обоюдная открытость и доступность для установления контакта; простота самовыражения; совместная направленность на консенсус и т.д. Установлено, что грамотно налаженный диалог, независимо от его предмета, может быть плодотворным и иметь высокую нравственную и эмоциональную основу. Однако, к такому проявлению общения предъявляется главное требование, а именно: касаться тех установок и смыслов, которые важны для его участников в данный момент. Это принципиальное обстоятельство мы непременно учтем при проектировании организационно-педагогических мер реализации первого педагогического условия.

Эвристический диалог, о котором речь идет в формулировке данного условия, является разновидностью диалога вообще. В понимании же эвристического диалога мы придерживаемся позиции, которую отражает А.Д. Король. По мнению автора, в эвристическом диалоге инициатива в осуществлении познавательной деятельности отводится учащемуся, а не учителю. Такой вида диалога предусматривает формулирование учащимся вопросов «внешней образовательной среде» на различных этапах учебно-познавательной деятельности» [7, с. 17].

Ключевым в понимании автором эвристического диалога выступает внутренняя направленность учащегося к осуществлению деятельности по «задаванию вопросов». Для

этого А.Д. Король использует сочетание «вопрошающая деятельность». Автор утверждает, что внутренний мотив такой деятельности образуется только в том случае, когда отсутствует прессинг или давление на учащегося со стороны учителя. В этом случае, считает автор, у учащегося появляются хорошие возможности продемонстрировать свою логику, мнение и авторитет.

Поскольку в педагогическом условии речь идет об установлении эвристического диалога между студентами, то со всей очевидностью встает вопрос о роли, которую они выполняют в ходе осуществления данного вида взаимодействия. В частности, предполагается, что все участники эвристического диалога являются паритетными участниками. Это обстоятельство однозначно нивелирует возможность давления или прессинг со стороны участников диалога друг на друга. Педагогический смысл эвристического диалога в таком случае видится в том, чтобы студенты в процессе его осуществления могли извлечь возможности для проявления своих знаний, умений и опыта. В результате чего у них появляется реальная возможность приблизиться к поиску решения проблемы с позиции ее глубокого и рассуждающего осмысления. Иными словами, функция сторон эвристического диалога – попытаться обнаружить верные и обоснованные ответы на вопросы, сформулированные собеседников, что собственно и способствует совершенствованию знаний и умений студентов, прежде всего, в области коммуникативной деятельности. Учитывая тот факт, что подобное технологическое воплощение диалога стимулирует гибкость и подвижность умственной деятельности студентов, можно утверждать о прямом влиянии данного педагогического метода на мобильность студентов.

Давая интерпретацию содержательной стороне эвристического диалога, отметим, что он ни в коем случае не регламентируется какими-либо алгоритмами. В его основе лежит конкретика учебной ситуации и содержание смыслов, которые заложены в вопросах и ответах участников диалогического общения. Считается, что основным признаком эвристического диалога и одновременно условием его осуществления является ситуативность. Соответственно к его базовому содержанию следует отнести нестандартные проблемы, неочевидность поиска решения, а также ситуацию информационной недостаточности. Собственно такое содержание эвристического диалога способствует пробуждению у студентов нестандартных мыслей, стимулирует активное приобретение ими новых знаний и способов деятельности.

Список используемых источников информации

1. Ярычев Н.У., Алгаев А.Н. Развитие коммуникативной мобильности будущих педагогов-психологов в процессе профессиональной подготовки в вузе: монография. – Кисловодск: изд-во УЦ «МАГИСТР», 2015. – С.7.
  2. Педагогика: Большая современная энциклопедия / сост. Е.С. Рапацевич. – Мн.: Современное слово, 2005. – С. 132.
  3. Борисов, А.Б. Большой экономический словарь / А.Б. Борисов. – М.: Книжный мир, 2003. – С. 172.
  4. Философия: учеб. пособие / А.В. Мялкин и др.; под ред. А.В. Мялкина. – М.: Моск. гос. лингвист. ун-т, 2002. – С. 136.
  5. Дьяченко, М.И. Психологический словарь-справочник / М.И. Дьяченко, Л.А. Кандыбович. – Мн.: Харвест, 2007. – С. 109.
  6. Семенова, Г.А. Учебный диалог как способ формирования профессиональной позиции будущего учителя: дис... канд. пед. наук: 13.00.08 / Г.А. Семенова. – Нижний Новгород, 2005. – С. 49.
  7. Король, А.Д. Моделирование системы эвристического обучения на основе диалога: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / А.Д. Король. – Москва, 2009. – С. 17.
-

Будуева Ш.И.

Социально-психологические особенности современных мужчин и женщин

Чеченский государственный университет (Россия, Грозный)

doi:10.18411/lj2015-11-s-05

В современном обществе женщины наравне с мужчинами желают быть лидерами, решать любые вопросы самостоятельно и ощущать себя свободными и деловыми партнерами в любой сфере. Женщины чувствуют себя на трудовом поприще либо хорошо, либо устают и все им надоедает, либо им противно на своей работе, либо они думают поменять работу. Переходя с одной работы на другую, женщина думает, когда же она будет счастлива. Время идет, возраст незаметно вдруг далеко вперед уходит. А счастье и душевное спокойствие так и не наступает. «Как правило, половая принадлежность в любом обществе играет огромное социокультурное значение, обязывающее выполнять определенные социальные функции и роли. Современные понятия «маскулинность» и «феминность» выражают формы, установки и предписываемое, как мужчине, так и женщине определенное поведение в соответствии с их половой принадлежностью» [1, с. 43].

Если женщина к работе относится как к хобби, то основным в ее жизни будет дом, семейный очаг, семейное благополучие, интересы детей и супруга, других родственников. На работе может быть то хуже, то лучше, так чего же его менять думает она.

В целом работа это не женское занятие. Здесь женщине не комфортно, хотя она осознает это для себя не скоро.

Почему же женщине хочется убежать в трудовую деятельность. Полагаю, что это связано с греховностью и выражается в жадности. А жадность губит. Хотя предрасположенность к такому подходу в жизни дает само общество. То есть женщина сначала школу заканчивает, потом институт, а там работа, если есть желание. Потом только она начинает думать о себе. Но она к этому времени уже истощена, у нее нет сил сначала думать о семье, а потом уже об остальных жизненных вопросах.

У женщины не остается даже сил знакомиться с мужчиной, а ей реально необходимо затрачивать силы на это, как моральные, так и физические, для того чтобы мужчина созрел к созданию семьи. Или же она выходит за первого подвернувшегося, и это далеко не то чего ей хочется, как выясняется потом. Женщина думает, что она изменит мужчину, воспитает его и сформирует себе хорошего мужа, даже если он беспробудный алкоголик, лишь бы он был хорошим человеком, как ей кажется. А ему это надо ли? У него есть совесть, внутренняя духовность, сила воли и ответственность? Женщине кажется, что все это можно в короткие сроки заложить в мужчину и быть счастливой.

Так и у мужчины. Если у женщины жадность самая главная проблема, то у мужчины самая главная проблема это вождение, в голове постоянно женский образ. Так это уже ведет к деградации. Если мужчина постоянно думает о женщине, ждет её, то постепенно становится безвольным, не может развиваться как личность, весь в мыслях. Тут не только деградация личности происходит, но и физическое истощение с последующим заболеванием. В древние времена рекомендовалось молодым вести до брака аскетический образ жизни, воздержание, направлять свои мысли в духовном направлении, в личностном развитии. Такой подход к данному вопросу подготавливает молодых к построению правильных отношений, делает сильными, разумными, могущественными.

Вот эти трудности современного общества, невоспитанного в традиционной мужской и женской культуре, сегодня актуальны и требуют широкого изучения.

В современном обществе очень сильная энергия подражания или конкуренции, и зависти. Женщины стремятся конкурировать с мужчинами, а мужчины еще больше конкурируют с женщинами.

Известный лектор, оратор и ученый Олег Гадецкий в своих публичных лекциях говорит, что изначально в человеческом характере задана и действует энергия двух светил – луны и солнца. Мужская энергия – это проявление энергии солнца. А солнце, как известно, только одно, поэтому мужчины не терпят конкуренцию. С луной же соперничают звезды. Когда светит солнце других планет не видно, это мужская энергия. Это энергия лидерства, которая согревает и дает жизнь. Она проявляется в чистом виде. Это энергия заботы и покровительства. Если мы добавляет к этой чистой энергии человеческий эгоизм, смешанный с гордыней, энергия становится грязной. Отсюда возникает и желание манипулировать, подавлять и эксплуатировать, использовать, получать удовольствие, в т.ч. и женщин.

Опрошенные нами студенты-заочники Института чеченской и общей филологии отнесли к фактам командного тона обращения женщин-руководителей к подчиненным мужчинам с оправданием и необходимостью в соответствии с ситуацией более половины, что в разы больше по сравнению до 2000 года. На вопрос «Как вы относитесь к руководителю-женщине, которые разговаривают со своими подчиненными, в том числе и мужчинами, резким и повышенным тоном?» 30 % мужчин ответили, что они таких женщин ненавидят, и они при малейшей возможности не задержатся на данной работе. Высказывались с осуждением женщин-руководителей по данному имевшему место в ЧР фактам от 30 до 45 % респондентов чеченской национальности. Считают такое поведение женщины вполне нормальным респонденты русской и иной национальности до 12%, а 13% осуждают. В традиционной культуре чеченцев считается, мягко говоря, дурным тоном смотреть постороннему мужчине в разговоре прямо глаза, да и не только постороннему, но и близким родственникам.

Указанные позиции студентов ЧГУ русской национальности намного ближе, а в ряде позиций совпадают с нормами и ценностями студентов чеченской и ингушской национальности, чем с соответствующими позициями русской молодежи из центральных и западных регионов страны. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить наши данные с соответствующими материалами

Проведенные нами исследования с целью выявить представления по обсуждаемой теме; проанализировать опыт построения семейных отношений позволили нам сделать следующие выводы:

Как вы относитесь к руководителю-женщине, которые разговаривают со своими подчиненными, в том числе и мужчинами, резким и повышенным тоном?	Студенты от 19 до 25 лет		Студенты от 25 до 45 лет		Студенты русской и иной национальности	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Оправдывают	53,0 %	38,0 %	62,0 %	55,0 %	12%	16%
Осуждают	16,0 %	14,0 %	14,0 %	7,0 %	43%	34%
Неопределенное мнение	31,0 %	35,0 %	24,0 %	38,0 %	45%	45%

В исследовании участвовали 62 человека, в т.ч. 31 женщины и 31 мужчин от 17 до 50 лет из числа студентов и работающих. Из них менее 20 % ответили утвердительно на вопрос «Вам нравится работать в подчинении у женщины?». Некоторые женщины-руководители в Чеченской республике не учитывают в своей работе этнический менталитет, позволяют себе с подчиненными мужчинами категоричные, бесцеремонные указания.

На самом деле женщина интуитивно мечтает о соприкосновении с мужской энергией. Это успокаивает её ум. Женский ум эмоциональный, в то время как у мужчин он более интеллектуальный. Если мужчина живет делами, то женщина эмоциями. Женщина

рядом с мужчиной расцветает. Свои лучшие качества она проявляет рядом с мужчиной, в отношениях с ним.

Женская энергия ведомая, а мужская ведущая. Поэтому очень важно именно эти роли искать в отношениях.

В ходе исследования выяснилось, что обладать такими качествами как, аккуратность, кротость для парней является важным.

Русский язык в этом отношении выгодно отличается от некоторых других, располагая исконно русской и заимствованной лексикой, используемой для выражения тончайших нюансов душевного движения. Чеченский и ингушский языки тоже удивляли крупных специалистов языковедов и писателей богатством средств выразительности. Поэтому искать оправдания бестактности в несовершенстве языка некорректно и в чеченской семье. Тем более, что чеченцы свободно владеют и русским языком. Но всем нам без исключения полезно время от времени осуществлять «инвентаризацию» наших речевых штампов, стиля обращения к окружающим, приемов опознания состояния собеседника, и, главное, умения точно обозначать все это в понятиях, словах.

Известно, что для многих важнейшие аспекты семьи и конкретные факторы психологической совместимости потенциальной брачной пары становятся предметом серьезных размышлений под влиянием различного рода тестовых вопросов, когда неожиданно обнаруживается, что то, над чем раньше никогда не задумывались и что казалось ясным «от века», на самом деле заставляло задуматься, по-новому взглянуть на привычное, а порой долго искать ответа. В этом признаются не только молодые, но и люди с достаточным опытом семейной жизни. Хуже всех будущую семейную жизнь представляют себе молодые люди, которые чрезмерно романтизируют любовь и недостаточно обращают внимание на духовно-нравственные качества личности будущего супруга. Практика тестирования потенциальных брачных пар, несомненно, помогает молодым людям четко осознать свои брачно-семейные ценности и аналогичные ценности своего избранника (избранницы).

Список используемых источников информации

1. Ярычев Н.У. Формирования гендерных установок в традиционной чеченской культуре // Тенденции развития науки и образования. Сборник научных трудов, по материалам VII международной научно-практической конференции 15 ноября 2015 г., Самара / Отв. ред. д-р пед. наук, проф. Н.У. Ярычев. – Самара: Изд. НИЦ «Л-Журнал», 2015. – С. 46.
2. Булуева Ш.И. Семейное воспитание и вайнахская культура в процессе формирования полоролевых функций у студентов. [Текст] / Ш.И. Булуева // Проблемы и перспективы развития педагогики: материалы международной заочной научно-практической конференции. (25 мая 2011 г.) – Новосибирск: Издательство «ЭНСКЕ», 2011. – С.76-82.
3. Булуева Ш.И. Особенности полоролевого поведения юношей и девушек в вайнахских семьях. [Текст] / Ш.И. Булуева // Современное образовательное пространство: пути модернизации: Сб. мат. Международной заочной научно-практической конференции (г. Чебоксары 6 июня 2011г.) Сборник научных трудов – М.: Издательство Перо, 2011. – С. 277-282.
4. Булуева Ш.И. Взаимодействие семьи и вуза как фактор эффективного формирования у студентов полоролевого поведения в вайнахских семьях. [Текст] / Ш.И. Булуева // Научное обозрение ежеквартальный сборник статей. ДНЦ РАН. – 2011. – № 57. – С. 46-50.
5. Булуева Ш.И. Формирование полоролевого поведения в традиционной чеченской культуре (теоретико-методологические аспекты) / Булуева Ш.И. Монография под ред. д-ра пед. наук, проф. Ф.Н. Алипхановой. Грозный: изд-во ЧГУ, 2015. – С.156

Гантамиров Т.Т.

Социально-философские аспекты межнациональных отношений в современной России

Чеченский государственный университет (Россия, Грозный)

doi:10.18411/lj2015-11-s-06

В последние годы благодаря работе СМИ во многих городах России получили очень широкую известность события, произошедшие в различных городах: Кондопога, Пугачев, Арзамас и, самое главное, Бюрюлево и Манежная площадь в Москве. Но это всего лишь «верхушка айсберга» конфликтов, наблюдаемых в поле межэтнических отношений в России. Она наглядно демонстрирует динамику и состояние этнических и религиозных общественных отношений в современном российском обществе. На сегодняшний день конфликтное поле быстро расширяется синергетически, что ставит под угрозу дальнейшее существование российской цивилизации.

На сегодняшний день поиск механизмов и путей решения национальных проблем интенсивно ведется во многих сферах. Накопленный опыт в данной области требует его своевременного и всестороннего анализа, а также разработки эффективной стратегии государственной национальной политики, так как состояние и динамика межэтнических отношений определяются общей ситуацией в стране, чем обусловлена актуальность выбранной темы исследования. Наиболее важным «выражением сущности национальных отношений является национальный вопрос» [2, С. 5]. В нем отражаются особенности исторического развития государства и его граждан, специфика их социально-экономической и политической системы, социально-классовой структуры, этнического состава населения, его национальных традиций и обычаев. Содержание национального вопроса сводится к проблеме социально-экономического и культурного неравенства различных этносов, разрыв между угнетенными национальными меньшинствами и привилегированными титульными нациями.

Национальный вопрос в СССР был решен путем создания условий для социально-экономического и культурного развития национальных республик. В то же время были допущены серьезные просчеты в реализации национальной политики. Противоречия и конфликты были порождены самим фактором совместного проживания в составе союзного государства 190 наций [1, С. 319], которые имели различные этносоциальные, этнокультурные, этнодемографические характеристики. Данные различия привели к различным интересам и потребностям народов, и, в конечном итоге, к межэтническим конфликтам. Распад СССР способствовал возникновению политической напряженности и разрастанию конфликтов на различных уровнях и в регионах 1/6 части планеты. На фоне стремления к национальному самоопределению, возникли центробежные сепаратистские тенденции со стороны этнополитических сил, ставящих свои амбиции выше государственных интересов.

Современное полиэтничное российское общество переживает период глубинной всесторонней трансформации, находящейся под влиянием различных социальных факторов [4, С. 84]. Причинами этнополитических конфликтов на территории России являются:

- проявления исторической несправедливости в отношении некоторых этносов (например, депортация народов);
- неравномерное экономическое, социальное и культурное развитие республик и других субъектов Федерации;
- отраслевой принцип управления, вследствие которого не всегда принимались во внимание национальные обстоятельства и традиции, социально-экономические интересы комплексного развития территорий;
- социально-экономический кризис в стране;
- изменения в этническом составе населения некоторых районов вследствие демографических и миграционных процессов;
- обострение отношений между коренными и некоренными народами;
- рост национального самосознания.

Согласно крупномасштабному опросу общественного мнения, проведенному Левада-Центром в октябре 2013 года, лозунг «Россия для русских» полностью разделяют 23%

против 15% в 2008 году и еще более в 2012 г. 43% опрошенных граждан полагают, что данный лозунг является «разумным», против 42% в 2008 году и 41% в 2012 году. Только 19% отвергают его и считают проявлением фашизма, хотя в 2008 году число респондентов, разделяющих данный тезис, составляло 25% и в 2012 г. – 23%.

Лозунг «Хватит кормить Кавказ!» поддерживают сегодня 71% респондентов, хотя год назад этот показатель составлял 65%.

73% опрошенных считают, что необходимо изгнать из России нелегальных мигрантов, 15% – нужно помочь им адаптироваться и легализоваться в России, в то время как в 2008 году соотношение данных величин составляло 54% и 25%.

78% опрошенных выступают за то, чтобы власть ограничила приток мигрантов в страну, 14% предлагают не ставить на их пути административных барьеров и использовать труд мигрантов на благо России. В 2008 году данное соотношение составляло соответственно 52% и 35% [3].

Известные ученые Дж. Берри и М. Плизент, исследуя проблему этнической толерантности, доказали, что позитивная этническая идентичность может дать основание для уважения других этнических групп и выражения готовности обмена идеями, установками или для участия в совместной деятельности [5, с. 69].

Таким образом, на сегодняшний день абсолютно необходимой мерой является научно обоснованная и разработанная система динамической оценки конфликтного поля этнических отношений в России. Для последовательного и эффективного регулирования межэтнических отношений необходимо принятие гораздо более разносторонних мер, в том числе развитие образовательной деятельности и соответствующих учебных дисциплин.

Однако решение данных вопросов, обеспечивающих межэтническую и межнациональную интеграцию, гармонию и развитие, сводится не только к вопросу образования и юридического равенства. Это вопрос социально-экономической и политической стратегии.

Необходимо обеспечить единство народов России при сохранении уникального многообразия культур входящих в нее этносов. Восстановление общего национального самосознания обуславливает необходимость успешного решения общих проблем. «Качество деятельности политической элиты страны, - Н.У. Ярычев, - зависит от того, насколько компетентными окажутся будущие специалисты государственного управления» [5, С. 424].

Сегодня перед Россией стоят очень важные задачи:

- 1) восстановление статуса великой державы, утерянного в последние два десятилетия, занятие передовых позиций в мире, на внешнеполитической арене;
- 2) повышение качества производимой продукции, развитие общественных отношений, медицины, науки, образования, искусства;
- 3) идеологическое сопротивление политическим силам и группам в мире, которые стремятся дестабилизировать этнополитическую ситуацию в современном российском обществе.

В результате реализации данных усилий Россия должна стать державой, способной противостоять угрозам и вызовам глобализации и предложить всему человечеству новый справедливый миропорядок.

Список используемых источников информации

1. Вдовин А.И. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. – М.: Вече, 2013. – 624 с.
2. Кубякин Е.О. Политическая стратификация общества. Социально-этнические общности как субъект политики. – Краснодар: Изд-во Краснодарского университета МВД России, 2013. – 20 с.
3. О конфликтном поле национальных отношений в современной России: Доклад Изборскому клубу группы экспертов под рук. Сергея Черняховского // Изборский клуб. – Режим доступа: <http://www.dynacon.ru/content/articles/2584/> (дата обращения: 23.10.2015).
4. Петров В.Н. Этнические мигранты и полиэтничная принимающая среда: проблемы толерантности // Социологические исследования. – 2003. – № 9. – С. 84 – 91.
5. Татарко А.Н. Взаимосвязь этнической идентичности и этнической толерантности в кросс-культурной перспективе // Журнал прикладной психологии. – 2002. – № 4-5. – С. 69-79.
6. Ярычев Н.У., Дудаев Г.С-Х. Структура и содержание управленческой компетенции будущего специалиста государственного управления // Фундаментальные исследования. – № 11. – 2014. – С. 424.

Дудаев Г.С., Маликова Е.В.

Лидерство как основа формирования будущего руководителя

Чеченский государственный университет (Россия, Грозный)

doi:10.18411/lj2015-11-s-07

Руководитель – это лицо, на которое возложены функции принятия решений по вопросам деятельности фирмы, управления коллективом, обеспечения эффективного труда работников фирмы. В целом процесс управления можно представить совокупностью взаимосвязанных последовательных функций: целеполагание, планирование, мотивация, организация, контроль и ряд других. Руководитель, несомненно, должен совершенствовать свои знания и умения в данном вопросе, осваивать приемы и методы позволяющие выполнять свои функции наиболее эффективно. Но как показывает практика, действительно воздействовать на людей для достижения организационных целей, позволяет использование статуса лидера. Лидерство представляет собой тот вид деятельности, который нитью проходит сквозь весь процесс управления и позволяет эффективно выполнять все функции руководителя. «Качество деятельности политической элиты страны зависит от того, насколько компетентными окажутся будущие специалисты государственного управления» [1, С. 424].

Тема лидерства актуальна в наши дни во многих сферах жизни, но получила свое начало достаточно давно. Сладкевич и Чернявский определяют лидерство как тип управленческого взаимодействия (между лидером и его последователем), основанный на наиболее эффективном для той или иной ситуации сочетании различных источников власти направленный на побуждение людей к достижению общих целей [3]. Другое определение, лидерство – это процесс преимущественно несилового воздействия в направлении достижения группой или организацией своих целей. Лидерство преимущественно строится на отношениях типа «лидер – последователи», а не «начальник – подчиненный» [2]. Таким образом, лидерство можно рассматривать как качество руководителя, характеризующее степень влияния и воздействия на коллектив для достижения общих целей организации. В зависимости от степени этого влияния, руководитель может быть лидером в большей или меньшей степени, что порождает понятия формального и неформального лидерства.

Формальный лидер осуществляет влияние силой должности, то есть имеет статус лидера официально. Выдвижение человека в формальные лидеры может быть вызвано множеством различных обстоятельств и такой лидер может не обладать необходимыми профессиональными, организационными и личностными характеристиками. Неформальный лидер «избран» коллективом в силу своих личностных качеств, которые позволяют ему организовывать своих последователей, убеждать, вызывать доверие. Неформальный лидер, в большинстве случаев, возникает в любой организации людей. В случае, когда в коллективе присутствует неформальный лидер, формальному лидеру, т.е. руководителю, необходимо не вступать в соперничество с ним, а учитывать эту ситуацию и использовать влияние неформального лидера на коллектив в своих интересах. Достаточно нечастой, но положительной ситуацией можно считать ситуацию совмещения формального и неформального лидера в одном лице.

В литературных источниках выделяют три основных подхода к проблеме лидерства: личностный, поведенческий, ситуационный.

Основатели личностного подхода предприняли изучение лидерства на систематической основе в 1930-50 гг. Эти исследования основывались на теории, что лучшие руководители обладают определенным общим для всех, достаточно устойчивым набором качеств. В результате многочисленных исследований так и не был обнаружен единый набор характеристик, отличающих лидера. В разных ситуациях набор личных качеств был различен, что выступает аргументом в пользу ситуационного подхода, который будет рассмотрен далее. Одними из приверженцев этого подхода были Ральф Стогдилл и Ричард Манн. Они пытались сгруппировать лидерские качества, выявленные ранее другими

исследователями этого подхода. Так, Стогдилл пришел к выводу, что в основном пять качеств характеризуют лидера: ум или интеллектуальные способности; господство или преобладание над другими; уверенность в себе; активность и энергичность; знание дела [3].

В ходе долгих исследований Стогдилл убедился, что наличие этих пяти качеств у человека не гарантирует ему позиции лидера в коллективе. Такая же участь постигла Манна.

Интересным представляется результат, полученный известным американским консультантом Уорреном Беннисом, который исследовал 90 успешных лидеров, в результате чего выделил 4 группы лидерских качеств:

- 1) управление вниманием, или способность так представить сущность результата или исхода, цели или направления движения (действий), чтобы это было привлекательным для последователей;
- 2) управление значением, или способность так передать значение созданного образа, идеи или видения, чтобы они были поняты и приняты последователями;
- 3) управление доверием, или способность построить свою деятельность с таким постоянством и последовательностью, чтобы получить полное доверие подчиненных.

Последующие исследования привели к появлению других четырех групп лидерских качеств, таких как: физиологические, психологические (эмоциональные), умственные (интеллектуальные) и личностные деловые.

К физиологическим относят такие качества человека как вес, рост, фигура, состояние здоровья, энергичность, активность, представительный внешний вид и т.п. Однако, история показывает, что нет прямой связи между наличием этих качеств и лидерством. Напротив, примеры Ленина, Наполеона и других подтверждают, что физиологические качества не влияют на влияние индивидов и физически недостаточно крупные люди могут становиться явными лидерами.

Психологические (эмоциональные) качества проявляются на практике главным образом через характер человека. Изучение взаимосвязи таких качеств и лидерства привело к достаточно длинному и неограниченному списку этих качеств. Исследование умственных (интеллектуальных) качеств показало, что уровень этих качеств у лидеров выше, чем у не лидеров. Однако, последующие исследования так и не показали прямой связи между интеллектуальными качествами и лидерством. Личностные деловые качества в большей мере являются приобретенными с опытом, в ходе выполнения своих рабочих обязанностей и функций. Их значимость для лидера несомненна, но нет доказательств, что их наличие обеспечивает позицию эффективного лидера. «Известно, что у каждого руководителя есть свой индивидуальный стиль управления и способы реализации поставленных целей...» [5, С. 2761].

Таким образом, личностный подход к теории лидерства страдает рядом недостатков и несет мало пользы практике, но он послужил толчком к появлению новых подходов к вопросу лидерства. После разочарования в подходе к лидерству с позиции личных качеств, внимание ученых было обращено на поведение руководителя. Было выдвинуто предположение, что эффективный руководитель обладает набором образцов привычной манеры поведения по отношению к своим подчиненным. Эта версия стала основой поведенческого подхода к изучению лидерства.

Список используемых источников информации

1. Ярычев Н.У., Дудаев Г.С-Х. Структура и содержание управленческой компетенции будущего специалиста государственного управления // Фундаментальные исследования. – № 11. – 2014. – С. 424.
2. Большаков А.С. Менеджмент: Учебное пособие / А.С. Большаков. – СПб.: Изд-во «Питер», 2000. – 160 с.
3. Мельников О.Н. Подходы к изучению лидерства и лидерских качеств / О.Н. Мельников, В.Г.Ларионов // Российское предпринимательство. – 2001. – Вып. 5. – С.17-21.
4. Сладкевич В.П. Современный менеджмент (в схемах): Опорный конспект лекций. – 3-е изд., стереотип. / В.П. Сладкевич, А.Д. Чернявский – Киев: МАУП, 2003. – 152с.
5. Дудаев Г.С-Х. Фундаментальные исследования. – № 9-12. – 2014. – С. 2761.

Инаркаева С.И.

О проблеме «народности» литературы в современных исторических условиях.

Чеченский государственный университет (Россия, Грозный)

doi:10.18411/lj2015-11-s-08

Есть в науке о литературе темы, значимость которых для исторических перспектив самой литературы никогда не исчезают. Одна из них тема народности. Нельзя сказать, что она не имела исчерпывающего изучения в предыдущие периоды, наоборот: в советский период развития русской и национальных литератур эта тема была наиболее обсуждаемой и почти всегда ключевой. Говоря о ней как о теоретической проблеме, нужно подчеркнуть, что лучшие умы человечества уделяли ей внимание во все времена, пытаясь подвергнуть анализу разные грани ее проявления.

А.С. Пушкин говорил, что история народа принадлежит поэту.[4,с.309] Четыре слова, смысл которых легко разворачивается в грандиозную эстетическую программу. Подобных афоризмов, высказываний не счесть. Можно прямо сказать: проблема народности одна из наиболее изученных; она в основе своей решенная, и все дело заключается в том, что на каждом новом витке художественного развития возникает необходимость вносить в нее какие-то поправки и дополнения, обусловленные новыми фактами развития литературы и искусства.

Под народностью искусства, литературы в наши дни понимают их способность отражать и выражать интересы народа, видеть и ставить проблемы его жизни. Чтобы не повторить сказанного, кроме того, лучше осознать перспективу, полезно вспомнить, как ставилась эта проблема в отечественной науке, в частности, русскими революционными демократами, ибо именно они заложили основы теоретического истолкования этого столь заметного в наши дни эстетического явления. В известной своей статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» Николай Добролюбов говорит о назначении литературы «служить выражением народной жизни, народных стремлений».[3, с.170] Этой мысли он останется верным всегда и позже сделает даже более ответственный вывод: «Мерою достоинства писателя или отдельного произведения является то, насколько они служат выражением естественных стремлений известного времени и народа».[3, с.171] В этом высказывании заложено основное содержательное ядро и сегодняшнего понимания народности.

Понятие «народности», связанное с отображением художником облика народа, его национального бытия, - «есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно одному народу».[4, с.309] В наши дни эта сторона проблемы прочно увязывается с задачей изображения национального характера того или иного народа, того уникального сочетания общего и особенного, выражаясь специальным языком, то есть общечеловеческого, и местного, неповторимого, которое и дает в совокупности своих свойств то, что ныне известно под названием национального облика, национальной специфики, колорита. «Народность - суть личности человечества. Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения», - писал В.Г. Белинский.[1, с.467]

Можно говорить об акцентах, о тех или иных сторонах данной категории, но, думается, основные черты народности ухвачены в целом верно. На новом витке спирали вернулось к нам и понимание проблемы Н.В. Гоголем, считавшего, что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа.[2, с.101]

Известно, однако, что ясность в теории не всегда оборачивается успехами на практике. Одно дело – знать о «признаке» национальности, неизбежно лежащем как печать качества на каждом настоящем произведении, другое дело – установить его конкретно, оценить с точки зрения исторической правды, уловить и черты развития, неизбежно несомые временем. И ведь все это в столь хрупком организме, каким является художественное

произведение. Неудивительно, что обилие теоретических работ на эту тему не сопровождается сравнимым числом конкретных, того же уровня анализов отдельных произведений.

И надо сказать, это не случайно. Слишком много подводных камней возникает, когда дело касается живых народов, их истории, а значит, и чувства достоинства, самолюбия. В дальнейшем мы обращаем главное внимание именно на эту сторону проблемы – национальное в литературе. Поскольку именно в этой области и поныне встречаются крайности, да и просто ошибочные суждения.

Рассуждая, к примеру, об эволюционных путях развития чеченской литературы никак невозможно обойти вопрос ее национальной уникальности, специфике ее исторического развития. Однако здесь же можно возразить, сказав о том, что история зарождения и развития литератур малых народов России является почти унифицированным: фольклор как художественная предыстория, активной рост собственно художественной традиции в советский период, влияние традиций русской классической литературы, и прочее. Но именно примешивание подобного «исторического» подхода к анализу национальной специфики приводит к ее неправильному толкованию в современной критике, невольно задевая честь и достоинство народа, его сокровенные чувства.

Вопрос о национальной специфике литературы весьма щепетильный. Как нам кажется, причина трудностей в подходе к вопросу национальной специфики не столько в качественных, сколько в количественных критериях. Писать о том, какой народ больше одарен, а какой меньше, это значит, во-первых, игнорировать условия исторического развития (они неодинаковые у разных народов), а во-вторых, оценивать не столько национальное, сколько общечеловеческое, но – чисто количественным, то есть заведомо недостаточным способом. А ведь в наши дни, в эпоху подключения все новых народов к работе исторического процесса хорошо видна условность этого распределения способностей. Кто многие века числился в «отстающих», сегодня – на виду, а кто многие века диктовал интеллектуальные и художественные условия во всем мире, – сегодня сам следует чужеземным образцам, во многом живя на духовном иждивении у других народов.

Поэтому следует, видимо, раз и навсегда исключить из разговора о национальной специфике «подсчет» способностей, талантов, одаренности любого народа: адекватной реакцией данному подходу в решении вопроса будут кровные обиды. Принципом подхода к решению вопроса о национальной специфике должен стать безоговорочный вывод о том, что все народы талантливы, все трудолюбивы, а если кому-то из народов история не позволила в должной мере развернуть все свои возможности, – значит, для этого обязательно появятся свое историческое время.

Опять же для примера, исторически «комфортным» и благоприятным для развития чеченской литературы стал, как известно, период 60 – 80 – х годов прошлого века. Этому есть объяснение: вернувшийся из мест выселения (Казахстана, Средней Азии) у народа назрела острая необходимость в реализации во всех сферах жизни, в том числе и в первую очередь в духовной. И литература становится наиболее востребованной сферой, в которой происходит осмысление исторической судьбы народа, выражение его сокровенных чувств, эмоций.

И тот толчок в ее развитии, который наблюдается в наши дни, также продиктован сложившимися в истории народа трагическими обстоятельствами периода 1990- х- 2000-х годов. В условиях этого периода задачи, стоящие перед национальными писателями, оказались нелегкими: вырастая в определенном смысле над национальными традициями, обычаями, активно включаясь в мировой исторический процесс, решая проблемы в первую очередь общечеловеческого характера, они вынуждены ставить на страницах своих произведений вопросы сохранения ценностного и значимого этноментальной культуре народа, уникальности и самобытности. При этом вопрос национальной специфики сохраняет свои ключевые позиции.

В чем есть национальная специфика, если сказать о ней коротко? Она, прежде всего, есть в той пропорции, в какой на характере народа откладывается его история, способ производства, формы общественной жизни, культурные традиции, формируя его восприятие мира, типичные формы поведения в типичных жизненных обстоятельствах, устойчивость к испытаниям, формы искусства, досуга и так далее. То есть в том, что А.С.Пушкин назвал «тьмой обычаев», «образом мыслей и чувствований».[4, с.309]

Естественно, в предлагаемой работе затронута лишь малая часть того могучего пласта, который именуется народностью литературы. Разрабатывать его нужно глубокой систематически, применяя опыт и «практиков», то есть труд писателей и поэтов, и «теоретиков» – литературоведов, критиков, изучающих исторические судьбы народа в новых современных условиях. И успех этого процесса, а в целом, успех любой подлинной литературы, культуры должен быть неразрывно связан с народом, несущим на своих плечах нелегкую ношу исторического прогресса.

Список используемых источников информации

1. Белинский В.Г. Собр. соч. в 10-ти т.Т.5. - С. 467.
2. Гоголь Н.В. Полн. собр. соч., т. IV, 1951. - С. 101.
3. Добролюбов Н.А. Литературная критика. - М., 1961. С.170.
4. Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 6, М., 1962. С. 309.
5. Толмачев В. Сто лет спустя // Вопросы литературы. - 1997. - № 2. - С. 67.

Курбанова Л.У.

Формирование идентификационных стратегий в иноэтничной среде чеченцев-мигрантов в контексте гендера

Чеченский государственный университет (Россия, Грозный)

doi:10.18411/lj2015-11-s-09

Не секрет, что за последние десятилетие огромное количество людей с Северного Кавказа покинули свою родину в поисках работы и мирной жизни, и устремились на постоянное место жительства в Европу. Причиной тому послужили известные военные события в Чеченской Республике, где сошлись различные геополитические интересы различных стран, желавших распространить свое влияние на данный регион. «Собственно говоря, если внимательно присмотреться к геополитической стратегии стран Запада, то можно легко убедиться, что» [1, с. 97] в последние годы их интересы стали меняться, приоритет отдается вещам иного порядка, другого качественного содержания. Наше исследование целиком посвящено последствиям вышеуказанных событий, коренным образом отразившихся на судьбах десятков тысяч наших соотечественников.

В процессе изучения механизмов адаптации и процесса взаимодействия этнических мигрантов с обществом-реципиентом нельзя не заострить внимание на таком понятии, как «менталитет диаспоры». З.И. Левин, давая развернутое определение понятия «менталитет диаспоры», отмечает, что он «несводим к сумме индивидуальных психологических состояний. Это общий показатель степени конформизма этнической общины... Жизнеспособность диаспоры предопределена, в частности, силой общинного конформизма – особого менталитета, ядром которого является этническое самосознание в сочетании с общим интересом... Менталитет общины – общинный конформизм – есть результат взаимодействия мигрантов» [2, с. 103-104]. По мнению этого автора, своеобразие менталитету диаспоры придает этническая принадлежность («чувство этнического родства»), через которую «преломляется в сознании мигрантов и культура социального окружения», – категория, тесно связанная с идентификацией.

Эта часть менталитета «отвечает за выработку норм поведения мигрантов, поддерживает и инициирует активность и взаимодействие составляющих общину групп,

готовит ее к реакции на восприятие внешней среды. Подготовка такой реакции через соответствующую перестройку «функциональной» части менталитета диаспоры происходит в столкновении «старого» и «нового». Этому способствует, как уже отмечалось, сокращение культурной дистанции между диаспорой и принимающим обществом, изменение соотношения между «старым» и «новым» в менталитете диаспоры.

Для российской действительности характерным трендом изменений обществ Северо-Кавказских народов в постсоветское время стало возвращение на путь традиционализма, очень тесно переплетенного с религиозной идеологией. Приверженность традициям при этом понимается как необходимое условие и средство очищения этнокультуры от «коррозии», происходившей в условиях советского общества, как путь восстановления и сохранения национальной самобытности, подвергающейся испытаниям глобализмом.

В изучаемом нами гендерном аспекте традиционализм, как показывают материалы конкретно-социологического исследования, не выступает для чеченцев-мигрантов тотально привлекательным способом поведения. По полученным данным, считают, что «необходимо вернуться к обычаям традиционной культуры» 56,0% респондентов-мужчин из южно-российских регионов и 26,6% проживающих здесь женщин. Из российских регионов, где проводился опрос, наибольшую ментальную приверженность восстановлению и использованию традиций демонстрируют респонденты-мужчины из Краснодарского края – 71,0%, в то время как у опрошенных женщин этот показатель равен 26,5% .

В Бельгии у чеченцев-мигрантов несколько иное отношение к традициям как способу жизни в условиях иноэтничности. Здесь у опрошенных мужчин уже нет того однозначного стремления к сохранению традиционности, более сильно выражено согласие с утверждением: «Понятие «настоящий мужчина» и «настоящая женщина» стали меняться. К прошлым стандартам не вернуться – это объективный процесс».

При изучении процессов трансформации самоидентичностей чеченцев-мигрантов обратим внимание еще на один очень существенный аспект: в связи с общей ситуацией социальной нестабильности в современной России по-новому актуализирована потребность в присоединениях и социальных связях – солидарности, идентичности, принадлежности к группе.

По мнению Г.У. Солдатовой, в российском обществе 1990-х гг. – начала XXI в. произошло резкое возрастание значимости для индивидов и групп людей потребности в этничности, включающей потребность в этнической принадлежности, высоком этническом статусе, потребность в позитивной этнической идентичности и потребность в этнической безопасности.

Потребность в этничности находит свое выражение в следующих мотивах: аффилиативные (мотивы привязанности), статусные мотивы (мотивы самоуважения и достоинства) и архетипические (мотивы безопасности) [2, с. 335]. Данный мотивационно-потребностный компонент социального действия составляет основу этнической солидарности и выступает ведущим компонентом межэтнической толерантности.

Исходя из сформулированных выше теоретико-методологических посылок, проанализируем данные социологического исследования состояния, изменений и факторов, влияющих на изменения в самоидентичности чеченцев-мигрантов. При определении в целом своей самоидентичности респонденты из южно-российских регионов и Бельгии делают акцент на 3-4 основных признаках, составляющих, по всей видимости, ядро идентификационного самоопределения чеченца. Один из чаще всего артикулируемых в ответах респондентов признаков самоидентичности у чеченцев-мигрантов – национальная принадлежность («мы – люди своей национальности»). Принадлежность к этногруппе весьма существенная составляющая самоидентичности у респондентов из российских регионов (62,2%) и в Бельгии (64,0 %).

Значимым признаком самоидентичности чеченцев-мигрантов является

конфессиональная принадлежность («мы – люди своей веры»). По этому признаку самоидентифицируют себя 57,3% опрошенных в российских регионах и 65,0% в Бельгии. Несмотря на отрыв мигрантов от места исторического проживания, они все же в очень значительной степени сохраняют представление о своей прежней территориальной принадлежности: 78,8% по данным опроса в Астраханской области, Краснодарском и Ставропольском краях, и 69,3 % – в Бельгии позиционируют себя как «жители Чечни». При этом более широкие социально-территориальные идентичности явно уступают в своей значимости. Так, на принадлежность к жителям Северного Кавказа указывают 34,4% в российских регионах и 20,0% в Бельгии.

Один из ключевых моментов, имеющих политико-идеологический смысл, – это место и степень значимости в структуре самоидентичности гражданских чувств, находящих свое выражение в общероссийской идентичности. Результаты опроса чеченцев-мигрантов свидетельствуют, что российская гражданская принадлежность при конструировании общей самоидентичности личности чеченца не входит в ценностное ядро идентификационных предпочтений, а располагается на ее периферии. На эту сторону своей самоидентичности указывают всего 11,9% опрошенных чеченцев-мигрантов в южно-российских регионах и 8,0% в Бельгии. Более существенное значение, чем общероссийская гражданская идентичность, для самоидентичности имеют такие признаки, как принадлежность к «людям своей профессии, роду занятий», к «людям такого же достатка».

Рассматривая гендерные особенности распределения признаков самоидентификации, мы обнаруживаем, что респонденты-мужчины в большей степени тяготеют к этнической и территориально-этнической идентичности. В их самоидентификации более четко выражена политическая составляющая, предпочтительнее ценность успешности. Существенно меньше они привержены чувствам принадлежности к общероссийской гражданской общности людей, несколько реже, чем у женщин, происходит самоопределение по признаку единоверия.

В российских регионах по месту проведения опроса выявляются свои особенности идентификационных предпочтений в плане различий как между регионами, так и различий гендерного характера. Так, в частности, обнаруживается, что у чеченцев-мигрантов, проживающих в Краснодарском крае, очень снижена ценность общероссийской гражданской идентичности. С этим признаком солидаризуется здесь только 3,2% респондентов мужчин и 8,8% женщин. Здесь же, особенно сильно у мужчин (45,2% против 24,7% в среднем по трем регионам), активирована принадлежность к людям определенных политических взглядов. Более высокий по отношению к среднему уровень общероссийской гражданской идентичности фиксируется в Астраханской области – 17,2% у мужчин и 25,6% у женщин. Высокая значимость принадлежности к группе людей своей профессии, роду занятий выявляется в Ставропольском крае (38,1% у мужчин и 52,2% у женщин при средних показателях 29,7% и 43,7% соответственно).

Данные исследования однозначно указывают на ярко выраженный этноцентричный характер самоидентичности чеченцев-мигрантов. Подавляющее большинство респондентов, отвечая на вопрос: «Как Вы определяете свое личное отношение к собственной национальности» – выбрали вариант: «Я горжусь своей национальностью». По массиву опрошенных в южно-российских регионах этот индикатор отмечен в 82,5% ответов, в Бельгии – в 84,0% ответов.

Есть некоторые региональные и гендерные особенности выявленного свойства. В большей степени оно значимо для мужчин. Заметно снижена по своей значимости потребность в этнической самоидентичности у респондентов из Краснодарского и Ставропольского краев. Так, 16,4% респондентов-мужчин и 15,2 % женщин в Ставропольском крае занимают индифферентную позицию в вопросе своей этнической самоидентичности: «Моя национальная принадлежность мало что значит для меня».

Во всякой идентичности и самоидентичности ядро их конструирования, существования и воспроизводства составляют ценностные основания. Для исследованной нами группы чеченцев-мигрантов в качестве таковых взяты признаки личностных качеств как ценности, предписываемые обществом, обладание которыми вызывает уважение в непосредственном окружении. Заметим, что данное качество как ценность может быть актуальным не столько по реальному обладанию им, сколько по актуальности ожиданий его наличия со стороны окружающих. Здесь же мы можем предположить, что на основе этих же ценностей формируется чувство самоуважения.

Миграция неизбежно сопровождается трансформацией самоидентичности, что обусловлено изменениями в сфере потребностей и интересов, включая потребность в принадлежности, идентичности. С. Бочнер одним из первых попытался выделить и описать последствия миграции как для групповой, так и для индивидуальной идентичности [4]. Его типология взаимодействия групп мигрантов и местных включала следующие категории:

– интеграцию, то есть сохранение прибывшей группой своей культурной идентичности при одновременном принятии элементов культурной идентичности доминирующей группы;

– ассимиляцию, то есть постепенную добровольную или вынужденную утрату мигрантами своей культурной идентичности и принятие взамен норм и ценностей доминирующей группы вплоть до полного растворения в ней.

Таким образом, субъективный опыт «значимого другого» перерабатывается внутри «Я» (меня самого). «Я» соотносит себя с этим опытом, в результате чего переживание опыта становится субъективно значимым (для меня самого). Появляется так называемая группа «Мы», с которой «Я» испытывает близость опыта, близость «по духу». Понятие «значимый другой» предполагает, что его мир становится моим собственным миром. «Он» и «Я» живем в одно время, нас объединяет обширная перспектива, в которой последовательность ситуаций соединена в интерсубъективный мир. Теперь мы не только понимаем определения друг друга, касающиеся тех ситуаций, в которых мы оба участвуем, но и взаимно определяем их. У нас возникает связь мотиваций, распространяющихся на будущее. Но что важнее всего – теперь между нами происходит постоянная непрерывная идентификация. Мы не только живем в одном и том же мире, но и участвуем в бытии друг друга» [4].

Через механизм интернализации создается и накапливается социальный опыт. «Опыты направлены не на прошлое, а на будущее, порождая типичное ожидание из типичного опыта. Ожидание является чем-то вроде предвоспоминания о действии, которое сложилось в будущем. Щюц назвал это предвоспоминание проектом» [5, с. 126]. На этом этапе идентичность уже выражает не столько процесс соотнесения себя с другими, сколько результат этого соотнесения.

Идентичность, таким образом, помогает взаимодействующим найти точки соприкосновения, общности и единства, установить их общую отнесенность к единому полю ценностей и норм, сходных оценок в понимании вещей и переживаний.

Список используемых источников информации

1. Ярычев Н.У. Субъектная структура сознания современной глобальной межпоколенческой общности / Н.У. Ярычев [Текст] // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Социология. Философия. Право». – № 2 (199). – 2015. – С. 97.
2. Левин З.И. Менталитет диаспоры (системный и социокультурный анализ). М., 2001. С. 103-104.
3. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М., 1998. –С. 28-29.
4. Bochner S. The social psychology of cross-cultural relation // Cultures in Contact: Studies in Cross-Cultural Interaction. – Oxsford, Pergamon, 1982.
5. Абельс Х. Романтика, феноменологическая социология и качественное социальное исследование // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. – № 1. – С. 126.

Тазуркаев У.И.
Религиозная идентичность и культура толерантности
в условиях глобализации современного общества

Чеченский государственный университет (Россия, Грозный)

doi:10.18411/lj2015-11-s-10

Современное развитие приумножает и углубляет дифференциацию частных интересов, найти их общий знаменатель становится все труднее. В настоящее время, согласно многочисленным социологическим и психологическим исследованиям, отмечается лавинообразный рост конфликтов в различных сферах жизнедеятельности общества [1, С. 3].

Вопрос о толерантности – это, прежде всего, вопрос о том, как при глубоких различиях в положении, интересах, воззрениях люди смогут наладить совместную жизнь. Толерантность служит своего рода мостом, соединяющим частное и общее, различие и единство. В последние годы многие известные российские ученые работают в рамках федеральной целевой программы «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе».

Вначале обратимся к истории понятия толерантности. По своему первоначальному содержанию его выражает компромисс, на который вынуждены были согласиться католики и протестанты. Позднее толерантность как принцип согласия проникает в либеральное сознание эпохи Просвещения. Выдающиеся ученые 17-18 вв. Гоббс, Локк, Вольтер, Руссо выступили против жестоких религиозных столкновений и религиозной нетерпимости.

В 1789 г. – через 11 лет после смерти Вольтера – во Франции была принята Декларация прав человека и гражданина. Она стала предвестницей современных деклараций о правах человека, в том числе Всеобщей декларации прав человека 1948 г. провозгласившей принципы мира, демократии, насилия во взаимоотношениях между народами и государствами. Что касается этимологии понятия толерантность, то оно происходит от латинского (переносить, выдерживать, терпеть) [2, С. 65]. Во всех языках мира понятие толерантность выражает пересекающиеся значения: устойчивость, выносливость, терпимость, уважение свободы другого, его образа мысли, поведения, политических и религиозных взглядов, проявлять великодушие в отношении других, прощение, снисхождение, мягкость, сострадание, готовность к примирению.

В русском языке толерантность характеризуется как (способность, умение терпеть, мириться с чужим мнением, быть снисходительным). Важно подчеркнуть, что в опыте русской литературы 19 века (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.А. Ухтомский) возникла традиция трактовки терпимости как понимания. Эта традиция в дальнейшем получила развитие в работах М.М. Бахтина и его последователей, а также в «диалогической» линии западной философии (М. Бубер, Ф. Розенцвейг и др.) [2, С. 65].

На протяжении веков проблемы взаимодействия выходцев из разных стран, представителей разных культур, носителей различных бытовых правил и норм решались отнюдь не на основе единства общих особенных интересов, традиционно срабатывало желание подчинить того кто слабее, кто не может отстоять свою непохожесть, и тогда сильный утверждал свое особое видение мира (свои взгляды, идеи, традиции). К сожалению, эта традиция продолжает сохраняться и сегодня, даже при решении общечеловеческих проблем. Наглядный пример тому – борьба с таким вселенским злом, как международный терроризм, ведущаяся под эгидой США и организованная при явном доминировании их национальных интересов. «Известно, что наиболее подвержена деструктивному влиянию экономических, политических, социальных и иных факторов молодежная среда, в ней легче

формируются радикальные взгляды и убеждения. Поэтому среди подрастающего поколения все больше наблюдается взаимная нетерпимость, недоброжелательность, озлобленность и повышенная агрессивность» [1, С. 3].

В свое время бытовало представление, что модернизация обществ, происходящая под влиянием глобализации, стимулируя экономическое развитие, приведет к росту благосостояния, что, в свою очередь, если не ликвидирует социальную напряженность, то, по крайней мере, сведет ее к минимуму. Предполагалось, что следствием будет широкое распространение толерантного поведения. Это представление не нашло подтверждения на практике. «Соотношение и взаимосвязь конфликта и толерантности не заставляет особо задумываться в силу понятной нам природы взаимосвязи этих двух взаимопроникающих явлений. Касаясь темы толерантности, мы остаемся в системе конфликта как явления и конфликтности как процесса, что позволяет нам обосновывать оба этих разнополярных с одной и однолинейных с другой стороны явлений. На протяжении многих веков люди разной культуры, веры, цвета кожи, национальности могли существовать рядом друг с другом только как представители особых культурных идеалов, соприкасающихся, но не пересекающихся. Периоды религиозно-национальной терпимости сменялись полосами нетерпимости или даже непереносимости; черты чуждого пытались стереть путем насильственной ассимиляции, религиозного принуждения, национального подчинения. В рамках собственной общности непохожих, отличающихся индивидов или группы большинство стремилось принудить к отказу от своей «инакости», к принятию общего стереотипа поведения и верований» [5, С. 123].

События последних лет убедительно показали, что глобализация и связанные с нею постиндустриальные сдвиги, во всяком случае, в тех формах, в каких они осуществляются ныне, не дают решения социальных проблем и, следовательно, не стимулируют рост культуры толерантности ни в развитых, ни в развивающихся странах, ни в мировом обществе. И дело не только в объеме нищеты, бедности и других социальных бедствий. Еще и в том, что отношения между людьми, общественными группами, национально-государственными общностями не становятся более справедливыми. В этом состоит главная причина роста социального отчуждения и неприязни, что мешает распространению общественной толерантности.

Негативное воздействие на уровень толерантности оказывает и явление, именуемое «новым национальным вопросом». В его основе лежат возросшие масштабы иммиграции в регион. Особо заметной она стала во второй половине XX века. В результате становятся все более настороженными отношения коренных жителей к «чужакам». Нетерпимость к иммигрантам растет на глазах, о чем свидетельствует усиление позиций праворадикальных, шовинистических партий, уже вошедших в ряде европейских стран в состав правительственных коалиций. Краеугольным камнем толерантного отношения к частным интересам и мнениям, к группам индивидам, их выражающим, становится признание естественности и неустремимости из общественной жизни «инаковости». Более того, поворот к толерантности, воспринимающий «инаковость», понуждает к определенным изменениям в способе мышления, в менталитете.

Приходится признать, что пока убедительного ответа на новые вызовы культуре толерантности нет. Но некоторые направления поиска все же вырисовываются. Одно из них – прагматический компромисс под давлением жизненных императивов.

В утверждении толерантности важнейшую роль отводится образованию. Хотелось бы подчеркнуть, что практическая работа по формированию толерантности в современном обществе должна быть связана не только с обучением, конкретным навыкам толерантного поведения, но и с формированием у них определенных личностных качеств, наличие

которых является необходимой предпосылкой для появления соответствующих установок толерантного типа. Речь идет о таких качествах, как чувство собственного достоинства и умение уважать достоинство других, осознание того, что каждый человек многообразен в своих проявлениях и не похож на других, позитивное отношение к себе самому и представителям других народов и иных культур.

Однако в современных условиях данный способ утверждения своего особого видения мира становится все менее приемлемым. Всякая попытка ликвидации особенного ведет к тому, что один из партнеров – будь то отдельный человек или социальная общность – превращается в носителя чьей-то воли. В свою очередь, приоритетное обеспечение особых интересов одной из взаимодействующих сторон неизбежно приводит к разрушению самого контракта. Стабильность такого контакта предполагает наличие того, что объединяет партнеров друг с другом. Следовательно, вступая в общение с иными по культуре и традициям людьми, человек, с одной стороны, он вправе рассчитывать на то, что достижения согласия произойдет без ущемления его коренных интересов.

Истинная толерантность как раз и предполагает достижение оптимального единства того общего и особенного, что есть у взаимодействующих субъектов. На протяжении веков проблемы взаимодействия выходцев из разных стран, представителей разных культур, носителей различных бытовых правил и норм решались отнюдь не на основе единства общих и особенных интересов. Традиционно срабатывало желание подчинить того, кто слабее, кто не может отстоять свою непохожесть. И тогда сильный утверждал свое особое видение мира (свои взгляды, идеи, традиции) как самое правильное, единственно верное, истинное.

Толерантность – позволяет достичь мира и способна привести от культуры войны к культуре мира. Толерантность – это человеческая добродетель: искусство жить в мире разных народов и идей, способность иметь свои права и свободы, при этом, не нарушая прав и свобод других людей.

В Исламе значение толерантность определяется как прощение, снисхождение, мягкость, терпение, расположенность к другим, сострадание и т.д. Коран не оставил без внимания и проблему толерантности, веротерпимости и равенства всех народов и людей: «О люди! Мы сотворили вас равными от одного мужчины и одной женщины – Адама и Евы – и, размножив вас, сделали многими народами и разными племенами, чтобы вы знали друг друга и сотрудничали друг с другом» [3]. Так же, касательно толерантности как милосердия и справедливости, упомянул и Пророк Мухаммад, мир Ему, сказал: «Запрещено убивать и расторгать договора с союзником по договору» [4, С.153].

Наша страна в настоящее время многонациональна, установлено положение мира и политической стабильности, без межнационального и межконфессионального диссонанса, позволяя всем народам жить единомысленно, понятие «толерантность» обретает глубокий смысл и большое значение в жизни общества.

Список используемых источников информации

1. Ярычев Н.У. Концепция развития конфликтологической культуры учителя в самообучающейся организации: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, 2011. – С. 3.
2. Баткин Л.М. Тип культуры как историческая целостность: Методологические заметки в связи с итальянским Возрождением // Вопросы философии. – 1969. – № 9. – С.78.
3. Священный Коран, глава 49 «Аль-Худжурат», аят 13.
4. Пророк Мухаммад. Сборник хадисов имама «Аль Бухарий». – С. 153.
5. Ярычев Н.У. Межпоколенческие отношения и конфликты в традиционной культуре чеченцев: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Белгородский государственный университет. Грозный, 2007. – С. 123.

Тазуркаев У.И.

Основные подходы к пониманию радикализма в Исламе

Чеченский государственный университет (Россия, Грозный)

doi:10.18411/lj2015-11-s-11

В последнее время все чаще поднимается тема религиозных конфликтов, экстремистских противостояний, конфликтов на религиозной основе. «Современное развитие приумножает и углубляет дифференциацию частных интересов, найти их общий знаменатель становится все труднее. В настоящее время, согласно многочисленным социологическим и психологическим исследованиям, отмечается лавинообразный рост конфликтов в различных сферах жизнедеятельности общества» [1, С. 3].

В России и в регионах Северного Кавказа уже давно возникли религиозно-политические партии и движения, преследующие радикальные цели вплоть до изменения политической системы, духовно-культурной идентичности российской уммы, путем насильственного внедрения нетрадиционных религиозно-политических, этнокультурных ценностей. Прежде чем рассказать о заблудших сектах в Исламе, которые распространяют свою политическую и радикально-экстремистскую деятельность не только на территории России, но и по всему миру, хочу упомянуть об истинной принадлежности к Исламу. Речь пойдет о суннитах. Сунниты (араб. ахля-сунна) – приверженцы сунны. Сунниты или Ахля-Сунна валь-Джамаат – считают законными преемниками Пророка Мухаммада, мир Ему, первых четырех халифов — Абу-Бакра, Умара, Усмана и Али – а также признают, наряду с Кораном, многочисленные предания (сунну) о пророке Мухаммаде (два самых авторитетных для них источника – сборники хадисов имама Аль-Бухарий и Муслим). Сунниты следуют принципам приверженности исламским ценностям, зафиксированным в Священном Коране, и идее руководящей роли мусульманской общины в решении жизненно важных проблем. Сунниты признают четыре богословско-правовые школы, называемые «мазхабами»: маликитский, шафиитский, ханафитский и ханбалитский. Все другие мазхабы, являющиеся суннитскими, на сегодняшний день прекратили свое существование в связи с отсутствием преемственности. Все четыре школы признают правомерность друг друга. Мусульманин может выбрать любую из этих школ и следовать той, с которой соглашается. Нет обязанности следовать мнению одного определенного мазхаба во всех вопросах.

Это понятие появилось во времена возникновения ислама. Наряду с хариджитами, шиитами, мурджитами, мутазилитами и т.д. Большинство мусульман относили себя к суннитам, что толковалось как следование Корану и сунне Пророка и его Сподвижников. Появление суннитов аргументировалось хадисом, в котором Пророк Мухаммад, мир Ему, сказал, что после его кончины община разделится на 73 общины, из них только одна община (ахля-сунна валь-джамаа – люди сунны и согласия) спасется, то есть попадет в Рай. Сунниты делают особый акцент на следовании Сунне (поступкам и высказываниям) Пророка Мухаммада, мир Ему. Основными признаками принадлежности к суннизму считаются: признание достоверности следующих крупнейших сводов хадисов, составленных имамом Аль-Бухарий, Муслимом, ат-Тирмизи, Абу Даудом, ан-Насаи и Ибн Маджах.

Именно сунниты являются главными антагонистами радикальной секты ваххабитов и других ложных идеологий в Исламе. Как об этом упомянул сам Всевышний в Священном Коране: «О те, которые уверовали! Если кто-нибудь из вас отступит от своей религии, то Аллах приведет других людей, которых он будет любить и которые будут любить Его. Они будут смиренны (мягкими) перед верующими и непреклонны (жестки) перед неверующими, будут сражаться на пути Аллаха и не будут бояться порицания порицающих. Такова милость Аллаха, которую Он дарует кому пожелает» [2, С. 54].

Ислам – не просто религия наряду с другими мировыми религиями, как это принято считать. Ислам – это вершина системы религиозного учения, включающая в себя все научные знания и затрагивающая абсолютно все аспекты бытия. Религия Ислам не содержит нормы и предписания, призывающие к насилию, массовым убийствам, взрывам в общественных местах, формированию радикально-экстремистских группировок, политика которых, направлена на глобальную анархию. Идеологией терроризма служат те разновидности религиозных течений, которые носят экстремистский, тоталитарный характер. Одним из ключевых элементов используемых, как рабочий инструмент для достижения этой цели является ваххабизм, который представляет собой политико-религиозное учение, направленное на разжигание межнациональной и межконфессиональной розни, так же формирующее суррогат Ислама путем присвоения внешних форм и атрибутов мусульманской религии. Именно поэтому безотказному сценарию и сегодня политика, направленная на разрушение Ислама, продолжается и успешно выполняет поставленные перед ней задачи. «Игра на религиозных чувствах» по плану авторов дьявольского сценария должна приобретать такой степени размах, при котором создается ситуация невозможного контролирования государством собственных территорий, что не только гарантирует его ослабление на международной арене, но и ставит под угрозу целостность его существования.

Ваххабизм (от араб. «аль-ваххабия») – одно из названий течения в исламе, оформившееся в XVIII веке. Слова "ваххабизм" употребляются только оппонентами этого течения (как правило, его сторонники называют себя салафитами). Ваххабизм назван по имени Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба ат-Тамими (1703-1792), являющегося последователем Ибн Таймийа (1263—1328). Мухаммад ибн Абд-аль-Ваххаб в своих речах призывал к тому, что настоящий ислам практиковался только первыми тремя поколениями последователей Пророка Мухаммада («Аль-Салаф Ас-Солихъ»), но на деле, его учение было антиподом истинному Исламу. 1932 году последователи идей Абд Аль-Ваххаба в результате борьбы с мусульманами, создали независимое арабское государство – Саудовскую Аравию. В настоящее время слово «ваххабизм» нередко используется в русском языке как синоним исламского терроризма. Ваххабитов нередко сравнивают с представителями мистической вампирской расы, где к характерным признакам обеих сторон относится: переоцененное понятие о собственном превосходстве и жажда человеческой крови. Люди неразделяющие их заблуждение, по их мнению, неверующие - которых надо уничтожить, или превратить в себе подобных, третьего не дано. Именно ваххабитская проповедь ложного джихада, как обязательной для ваххабита вооруженной борьбы против "неверных", сняла общечеловеческий моральный запрет на убийство невинных людей. Ваххабизм с оружием в руках или без, несет в себе глобальную угрозу, как для Северного Кавказа, так и для всей России. Это течение представляет собой самую большую угрозу и для самой религии Ислам. Ни одна другая идеологическая секта не нанесла большего вреда для религии Ислам, в плане дискредитации и окрашивания в кровавые тона, какую нанесла идеология ваххабизма со дня своего зарождения.

Полигоном для экспериментов с использованием ваххабизма и других радикалов в начале 90-х стал Северный Кавказ. Поскольку в большой мировой геополитике Россия занимает ключевое место и для некоторых сторон она представляет интерес, только как ресурсно-сырьевой источник. Далее мы коротко затронем небольшой список тех сект, которые оставили глубокие раны как в самом мусульманском обществе, так и приверженцах других конфессий: «Хараджиты, джахмиты, му'тазалиты, мурджииты, шииты, рафидиты. Само собой список этим не ограничивается, ведь как сказал сам Пророк Мухаммад, мир Ему: «Моя община разделится на 73 общины.» [3]. Предостережения истинного Пророка стали явью, кошмаром для всего человечества, опухолью планеты, которую всеми известными человечеству способами необходимо вырезать. Малейшее ее возникновение пресечь, как принято говорить на языке врачей,

на стадии зиготы. Ее основная среда развития - неграмотная молодежь, поскольку они испытывают теплые чувства к «сопротивлению», в силу переживания, обманываясь их призрачными обещаниями о Рае и победе над «непокорными вероотступниками», где те с легкостью исполняют свои дьявольские замыслы. Любой юноша или девушка легко могут стать марионеткой слепо исполняющей все возложенные обязательства духовного кукловода. Зачастую эта слепая покорность переступает все барьеры и рамки человечности, не оставляя места для раскаяния. Жженные за собой мосты, вынуждают идти до конца. Крайне радикальная молодежь не видит то будущее в котором развивается культура, медицина, наука, образование, так как эти ценности стираются из памяти еще в подростковом возрасте, когда еще цели и ценности в жизни не определены, когда нет рядом человека предостерегающего от той самой роковой юношеской ошибки.

В своем заключении хотелось бы сказать, что экстремизм, будь то религиозный или политический, не способен уничтожить человеческие морали, сломить дух народа или навязать путем насилия свою идеологию. Целостность и толерантность людей друг к другу – это главное оружие против фанатиков одержимых жаждой хаоса. Главную же ответственность за противодействие экстремизму и крайнему радикализму несет Государство, и оно должно инициировать все необходимые меры и осуществлять необходимые действия по защите общества.

Список используемых источников информации

1. Ярычев Н.У. Концепция развития конфликтологической культуры учителя в самообучающейся организации: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, 2011. – С. 3.
2. Священное писание мусульман Коран – сура 5 «Аль-Маида», аят 54. –С. 106.
3. Сборник хадисов имама Ахьмада, Абу-Дауд, Тирмизий. – М., 2012.

Умархаджиева С.Р.

Особенности социальной работы с военнослужащими

Чеченский государственный университет (Россия, Грозный)

doi:10.18411/lj2015-11-s-12

Не секрет, что кардинальные реформы системы социальной защиты, произошедшие в связи с обретением России новой социально-экономической реальности, негативным образом отразились на различных категориях граждан, в том числе и на военнослужащих. «Период конца XX и начала XXI века, – пишет Н.У. Ярычев, – был насыщен различными политическими, культурными, социальными и экономическими потрясениями, породившими большое количество проблем в различных сферах общественной жизнедеятельности. Наша страна перешла от форм социалистического хозяйствования – плановой экономики, на совсем иную модель экономического развития общества – рыночные отношения, становление которых также сопровождалось различного рода кризисными тенденциями и коренными изменениями» [1, С. 209].

Привычная отлаженная советская модель социальной защиты населения осталась в прошлом, что поразило огромное количество проблем, которые практически не решались. «Главным образом, это отразилось на развитии общественных отношений, проявлявшееся в обострении огромного количества социальных проблем, которые в свою очередь сдерживали развитие страны в целом, тем самым не давая их решить средствами внутренних ресурсов государства» [1, С. 209]. Несомненно, когда мы затрагиваем вопросы социальной защиты наиболее уязвимых категорий населения, необходимо помнить, «что для сохранения

высоких нравственных идеалов необходимо учитывать исторический опыт, который выражается в сложившейся отечественной модели социальной помощи» [3].

В связи с переходом на новую модель социального обеспечения отдельных категорий, думается, что важно рассмотреть вопросы стратегического порядка, которые характеризуют наиболее специфические проблемы. Так, для обеспечения национальной безопасности России, на наш взгляд, необходимо укрепление военной организации страны, повышение престижа военной службы и усиление патриотического воспитания молодежи. Однако в настоящее время недостаточная социальная защищенность российской армии превращает ее в институт повышенного социального риска, что соответственно и влияет на общий фон психологического настроя военнослужащих.

Также прогнозируют специалисты независимых центров общественного мнения, указывая, что это положение может существенно ухудшиться в связи с дальнейшим сокращением армии и флота, что будет содействовать нарастанию социальной напряженности в воинской среде, увеличению недовольства военнослужащих не только своим положением, но и политикой правительств, не принимающих меры по ликвидации данной проблемы. Сформировывающаяся ситуация призывает к разработке и реализации ряда действенных мер: по изменению социального статуса военнослужащих и членов их семей, что закреплено в законодательном порядке; по совершенствованию и развитию социальной работы с ними в закрытом воинском социуме.

Исходя из этого, реализация социальной и правовой защиты военнослужащих и членов их семей сегодня выдвигается на первый план в деле органов военного управления по поддержанию боевой готовности и боеспособности российских войск.

Отметим, что военно-социальная работа представляет собой деятельность по исполнению установленных законодательством социально-экономических прав и льгот военнослужащих и обеспечению их социальной защиты. Далее понятие «защита» подразумевает, во-первых, действия, сосредоточенные на охрану от враждебных действий, опасности, на предохранение и безопасность кого-либо и чего-либо; во-вторых, это то, что защищает и служит обороне [2].

«Современные модели помощи и поддержки имеют давние исторические традиции, которые складывались на различных этапах развития истории...» [3, С. 168]. Впервые термин «социальная защита» возник в 30-е годы в США и означает гарантирование государством отдельным слоям населения установленного, а именно минимального, уровня жизни [4].

Согласно статье 3 Федерального закона «О статусе военнослужащих», социальная защита военнослужащих и членов их семей, также граждан уволенных с военной службы выступает важной функцией государства.

В целом, деятельность по обеспечению социальной защиты является одним из средств, гарантирующих военнослужащим реализацию их правового статуса, как необходимое условие эффективности социального обеспечения, определенного государством своим защитникам. Итак, военно-социальная работа представляет с собой социально-правовой механизм, направленный на разрешение выработавшегося противоречия между законодательно определенным статусом военнослужащих и реальным их положением в обществе, т.е. социальным статусом.

Как известно, объектом профессиональной социальной работы в обществе выступает не все население страны, а именно та категория людей, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации. К такой категории граждан Федеральный закон «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации», относит: инвалидов; людей преклонного возраста; больных, не способных к самообслуживанию; сирот; безнадзорных; малообеспеченных; безработных; граждан, не имеющих определенного места жительства; одиноких и т.д.

Несколько по-другому обстоит дело с социальной работой в воинской среде, так как военнослужащий не ограниченно трудоспособен, а ограничен в своих возможностях

заниматься дополнительной трудовой деятельностью для повышения своего благосостояния. Ведь военнослужащие и их семьи не застрахованы от случайностей сегодняшнего кризисного времени. Поэтому вполне правомерным будет выделение категорий нуждающихся в особом внимании и поддержке в среде военнослужащих и членов их семей. К их числу, по нашему мнению, можно отнести военнослужащих без квартир; многодетные семьи; семьи, имеющие в своем составе безработных, больных; семьи погибших и пропавших без вести военнослужащих и т.п.

Следовательно, объектом военно-социальной работы следует считать всех военнослужащих, проходящих военную службу в Вооруженных Силах, а также их семьи.

Исходя из вышеизложенного, социальная работа с военнослужащими по содержанию сводится к осуществлению следующих мероприятий:

- Исследование и прогнозирование развития социальных процессов в воинских коллективах;
- Принятие и организация реализации управленческих решений по осуществлению социальной защиты военнослужащих;
- Организация и проведения правового воспитания разных категорий военнослужащих, также пояснение нормативных правовых актов о правах и льготах военнослужащих;
- Оказание персональной юридической помощи различным категориям военнослужащих, что необходимо для разрешения конкретных социально-правовых проблем;
- Рассмотрение и разрешение жалоб и заявлений по социальным вопросам военнослужащих также членов их семей;
- Обучение командиров, других должностных лиц правовым основам служебной деятельности по реализации социальной защиты подчиненных;
- Взаимодействие и партнерство с органами государственной власти и местного самоуправления, общественными объединениями в деле осуществления социальной защиты военнослужащих и их семей.

Далее, в качестве существенных признаков военно-социальной работы можно выделить следующие:

- Это деятельность, имеющая конкретную цель: реализацию установленных законодательством прав и льгот военнослужащих и их семей;
- Использование комплекса различных средств – юридических, организационных, воспитательных - при реализации указанных правовых норм; Применение и реализация правовых норм, изложенных в нормативно-правовых актах о социальной защите военнослужащих и членов их семей;
- Наличие специальных органов и должностных лиц, призванных осуществлять военно-социальную работу;
- Юридическое закрепление обязанности командиров, других должностных лиц осуществлять социальную защиту подчиненных [3].

Осуществление перечисленных мероприятий необходимо для создания благоприятных условий для эффективного выполнения личным составом своих служебных обязанностей в ходе повседневной и боевой деятельности войск (сил), поддержания в Вооруженных Силах правопорядка и воинской дисциплины, практической реализации социальных гарантий военнослужащим и членам их семей, предусмотренных законами и иными нормативно-правовыми актами.

Итак, задачами социальной работы с военнослужащими является существенное повышение уровня удовлетворения социальных потребностей военнослужащих, гражданского персонала, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей.

Таким образом, успех военно-социальной работы во многом зависит от умения ее организаторов правильно избрать ее формы и методы, способности учитывать специфические особенности различных категорий военнослужащих, других категорий граждан.

Список используемых источников информации

1. Ярычев Н.У. Опыт реализации государственной социальной политики в чеченской республике: к вопросу о проблемах становления и дальнейшего развития // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – № 1. – 208. – С. 209.
2. Корякин В.М. Военно-социальная работа в Вооруженных Силах Российской Федерации: вопросы теории и практики. – М., 2004. – С. 155.
3. Ярычев Н. У. Становление и развитие отечественной парадигмы социальной помощи и поддержки нуждающихся: историко-социокультурный обзор [Текст] / Н. У. Ярычев // Молодой ученый. — 2009. — №3. — С. 168
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М., 1987. – С. 210.
5. Чернавин Ю.А. Социальный статус военнослужащего. – М.: ВУ, 1997. – С. 108.

Хасуев А.Э.

Досуг как основная форма жизнедеятельности современной молодежи

Чеченский государственный университет (Россия, Грозный)

doi:10.18411/lj2015-11-s-13

Что такое досуг? Для чего он, прежде всего, предназначен – для самообразования, развлечения или творчества? Лучше отдыхать, общаясь или созерцая? Эти и подобные им вопросы все чаще возникают в современных условиях развития нашего общества, в жизни которого досуг занимает важное место.

Всем известна мысль К. Маркса о том, что «свободное время, время, которым можно располагать, само есть богатство» Это время – «для образования, для интеллектуального развития, для выполнения социальных функций, для товарищеского общения, для свободной игры физических и интеллектуальных сил»[1, с. 136].

Сегодня в молодежной среде наблюдается достаточно тревожная, хоть и понятная во многом, ситуация: досуг все чаще становится основной сферой жизнедеятельности молодого человека. Не учеба, не работа, не социальная деятельность, а именно досуг. От удовлетворенности им зависит удовлетворенность жизнью. «Мне плохо, потому что скучно и нечем заняться», – частая позиция, судя по данным социологических исследований. В школе «отсиживают» положенное количество часов, в вуз приходят «за дипломом», на работу устраиваются туда, где «больше дадут» и где можно просто сидеть в Интернете. «В современных условиях инновационного развития российского общества, неоднозначной и сложной трансформации ценностных комплексов, повышения места и роли молодежи в общей социально-демографической структуре, большую актуальность приобретают вопросы, связанные с формированием четких механизмов государственной молодежной политики, способной отвечать требованиям современного социально-экономического развития нашей страны и мира в целом» [2, с. 306].

Подлинная жизнь начинается за порогом школы, вуза, завода. Конечно, труд, в том числе и учебный, – обязанность, но неужели она, эта обязанность, неизменно должна быть службой, быть ярмом, а не творчеством? Причин тому немало, но, так или иначе, подросток, молодой человек уходит в досуг как в защитный панцирь, только здесь он истинно свободен, и в этом смысле свободное время понимается им буквально – не как время, не занятое делами, а как время «для свободы».

«Дайте нам клубные развлечения, игровые компьютеры и безлимитный интернет», – требуют молодые люди сегодня. Подобное отношение к досугу в какой-то мере формируют и сами органы управления, полагая, что от насыщенности культурными и спортивными объектами напрямую зависит снижение подростковой и молодежной преступности, пьянства, наркомании, токсикомании и так далее. Действительно, культурных объектов недостаточно, особенно на периферии, действительно, они необходимы, но только ли от их числа, от заполненности культурной среды ее материальными объектами зависит развитость

молодежной культуры, уровень и направленность молодежного досуга, который, хотим мы того или не хотим, определяет основную жизненную установку молодого человека?

«В настоящее время молодежь все больше воспринимается как объект социализации, а также как активный и наиболее значимый субъект осуществления молодежной политики, эффективная реализация которой является едва ли не самым приоритетным направлением в социально-экономической политике российского государства» [3, с. 7].

По мнению Э. Соколова, к основным элементам досуга относятся:

отдых, служащий для восстановления жизненных сил и душевного равновесия; активная физическая деятельность в виде ходьбы, бега, физических упражнений или ручного труда;

развлечение как психическая разрядка и приобщение к некоторым элементарным ценностям культуры – это игры, танцы, легкое чтение, встречи с друзьями и так далее;

просвещение и самообразование, развивающие способности разума, памяти, воображения, формирующие нравственную и интеллектуальную культуру, художественный вкус;

творчество, выступающее в виде самоценной, эмоционально захватывающей активности, – это изобретательство, организаторская деятельность, самодеятельное художественное творчество, а также разнообразные любительские увлечения;

созерцание как эстетическое любование природой, памятниками старины, красивыми вещами, философское размышление об устройстве мироздания и смысле жизни, позволяющее отключиться от повседневности, углубляясь в сущность вещей;

праздник как вид «высокого» досуга, необходимый для поддержания важнейших традиций, для коллективного преобразования жизни с помощью музыки, танцев, специальных ритуалов.

Все эти элементы досуга свойственны времяпрепровождению человека любого возраста, однако для каждого возраста отдельные досуговые занятия становятся ведущими. Так, если для зрелого человека большее значение приобретает отдых, восстанавливающий силы, созерцание, значимость которого возрастает с годами, с приобретением жизненного опыта, и праздник как ритуал и традиция, то для молодежи в силу ее психологических и возрастных особенностей определяющими в досуговой деятельности становятся общение, развлечение и самообразование.

Такие компоненты досуга, как активная физическая деятельность или творчество, более нейтральны и присущи (или, во всяком случае, должны быть присущи) любому человеку, будь ему сорок лет или двадцать. «Динамично изменяющиеся условия современного общества ставят перед участниками процесса социального становления молодежи серьезные задачи. Основные заключаются в разработке и реализации таких подходов, которые были бы, прежде всего, ориентированы на прямое вовлечение молодых людей в решение общенациональных задач» [3, С. 2268].

Семья и религия утрачивают первостепенное значение как институты социализации, вытесняемые средствами массовой информации. Телевидение и Интернет превратились в ключевые факторы глобальной молодежной субкультуры. В итоге на смену традиционализму и коллективизму приходит индивидуализация, когда каждый человек конструирует свою жизнь, как может с индивидуально обусловленными траекториями в труде, в образовании, в заработке, в потреблении и в других сферах. Основной культурный досуг молодежи сегодня это – Интернет, телевизор, кино, клубы, но не книга. «Современные общественные процессы существенно ослабили групповые ценности, создав «общество потребления и выживания», которое характеризуется развитием индивидуальных личных ценностей. В жизни молодежи все более утверждается индивидуалистическая модель социальной жизни, ограничивающая формирование у молодежи единения с Россией и ее интересами, что существенно минимизирует возможность ее использования для реализации стратегий российского государства» [4, С. 6].

Список используемых источников информации

1. Маркс К. Энгельс Ф. О молодежи. – М.: Молодая гвардия, 1972.
2. Ярычев Н.У. Государственная молодежная политика Российской Федерации: проблемы и перспективы дальнейшего развития в условиях инновационных преобразований // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – № 5. – 2010. – С. 306.
3. Ярычев Н.У., Маликова Е.В. Место и роль молодежи в контексте государственной молодежной политики Российской Федерации // Фундаментальные исследования. – № 12-10. – 2014. – С. 2268.
4. Ярычев Н.У., Маликова Е.В. Государственно-общественные основы молодежной политики: опыт Чеченской Республики: монография. – Кисловодск, 2015. – С. 7.

Ярычев Н.У., Алгаев А.Н.

Теоретико-методологические принципы развитие коммуникативной мобильности будущих педагогов-психологов в процессе профессиональной подготовки в вузе

Чеченский государственный университет (Россия, Грозный)

doi:10.18411/lj2015-11-s-14

В настоящее время отечественная система образования претерпевает радикальные изменения: ставятся новые ориентиры и стратегические цели, достижение которых невозможно без ведущей роли педагога. Это подчеркивается во многих государственных документах, среди которых: «Национальная доктрина образования в Российской Федерации», Приоритетный национальный проект «Образование», «Образование и развитие инновационной экономики: внедрение современной модели образования в 2009-2012 годы», Президентская инициатива «Наша новая школа», «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года».

«Внимание, которое сегодня уделяется профессиональной подготовке педагогов-психологов, определяется стремлением общества и государства результативно решать задачи в сфере общего образования. Практика убедительно показывает, что для этого оказывается недостаточным профессионализм исполнителей. Важное значение приобретает психологическое сопровождение деятельности и взаимодействия субъектов образовательных отношений в общеобразовательном учреждении» [1, С. 7].

Высокое значение педагога в реформировании образования обусловлено наличием «ожиданий» от его деятельности со стороны родителей, общества и государства. При этом количество этих «ожиданий» постоянно возрастает, что находит свое выражение в виде новых профессиональных функций. Например, В. Леви в 1988 году выделил 40 функций педагога, а через 10 лет новосибирские ученые отметили уже 258 функций. Сколько их в настоящее время – подсчитать никто не берется.

Особенно остро этот вопрос стоит для педагогов-психологов, которые несут ответственность не только за динамику развития и благополучие детей в образовательном учреждении, но и за комфортный климат в педагогическом коллективе, за разрешение проблем воспитания в семье, за снижение стрессогенных факторов при обучении и т.д. Работа педагогов-психологов осуществляется в непрерывных коммуникациях с людьми, отличающимися по возрасту, полу, образованию, социальному статусу, мышлению, педагогической компетентности. Эффективность коммуникаций зависит от способности и готовности педагога-психолога гибко переключаться с одного собеседника на другого, подбирая к каждому такие способы общения, диалога, убеждения, объяснения, разъяснения, которые наиболее соответствуют их индивидуальным особенностям. Этот феномен можно назвать коммуникативной мобильностью.

Коммуникативная мобильность, как составная часть профессиональной мобильности, должна быть присуща всем педагогам-психологам. Однако молодые специалисты обладают ею явно на недостаточном уровне. Об этом свидетельствуют проведенные нами опросы и многочисленные публикации о проблемах молодых педагогов-психологов. Мы считаем, что

данную проблему можно решить в стенах высшей школы: совершенствуя методы, средства, формы обучения и создавая дополнительные педагогические условия.

Необходимо отметить, что при всей «молодости» профессии «педагог-психолог», в педагогической науке накоплен значительный теоретический и эмпирический материал, касающийся вопросов совершенствования образовательного процесса в высшей школе при подготовке педагогов-психологов. «Динамично изменяющиеся условия современного общества ставят перед участниками процесса социального становления молодежи серьезные задачи. Основные заключаются в разработке и реализации таких подходов, которые были бы, прежде всего, ориентированы на прямое вовлечение молодых людей в решение общенациональных задач» [2, С. 2268].

Раскрыта и обоснована роль педагога-психолога для образовательных учреждений в работах И.И. Барковской, И.В. Дубровиной, А.К. Марковой, Е.И. Рогова, Т.А. Шиловой и др.; многообразие аспектов и сторон деятельности педагогов-психологов получило отражение в трудах Л.В. Темновой, И.В. Дубровиной, О.Б. Поляковой, Е.С. Романовой, Н.В. Савиной, Е.Н. Устюжаниновой и др.; профессионально-важные качества педагога-психолога выявлены и обоснованы Е.Г. Ромицыной, А.В. Серым, Р.М. Фатыховой и др.; коммуникативная направленность психолого-педагогической деятельности обоснована О.Б. Поляковой и др.

В исследованиях Г.М. Андреевой, Н.Н. Зименковой, В.А. Кан-Калика и других ученых выявлены и обоснованы сущность, структура, виды, типы, особенности и принципы профессиональных коммуникаций.

Существует большой пласт научных разработок, посвященный феномену «мобильности» как характеристики деятельности: отраслевая мобильность (В.А. Усачев и др.); трудовая мобильность (Е.В. Клинова, И.В. Цыганкова, Т.В. Новикова и др.); академическая мобильность (И.А. Оденбах), а также как черты личности человека: личностная мобильность (Т.Б. Котмакова и др.); социальная мобильность (П.А. Сорокин, А. Ребер и др.), социокультурная мобильность (Д.В. Чернилевский и О.К. Филатов и др.), культурная мобильность (Ю.И. Калиновский); профессиональная мобильность (Л.А. Амирова, Ю.Ю. Дворецкая, Э.Ф. Зеер, Л.А. Кандыбович, А.М. Столяренко и др.).

Особое внимание ученые-педагоги уделяли составляющим профессиональной мобильности человека, например, карьерная мобильность (Т.И. Маркова), технологическая мобильность (О.И. Балабанова); когнитивная мобильность (В.А. Солоненко); мобильное мышление (Ф.А. Гайсин) и др.

Несмотря на широкий спектр проведенных исследований в современной психолого-педагогической науке, феномен коммуникативной мобильности до настоящего времени не исследовался и, соответственно, в педагогике не существуют разработок формирования и развития данной составляющей профессиональной деятельности будущих педагогов-психологов.

Проведенный анализ педагогической теории и практики профессионального образования указывает на существование ряда противоречий:

– *на социально-педагогическом уровне* – между стремлением государства и общества результативно решать задачи в области психологического обеспечения образовательного процесса в школе и относительно невысоким уровнем коммуникативной мобильности будущих педагогов-психологов;

– *на научно-теоретическом уровне* – между необходимостью обогащения опыта будущих педагогов-психологов в части гибкой адаптации к осуществлению эффективной коммуникации в различных условиях педагогической деятельности в школе и теоретической неразработанностью процесса развития их коммуникативной мобильности;

– *на научно-методическом уровне* – между обеспечением направленности профессиональной подготовки будущих педагогов-психологов в вузе на развитие их

коммуникативной мобильности и отсутствием соответствующего организационно-методического обеспечения.

Таким образом, подводя итоги исследования, мы можем под «коммуникативной мобильностью» будущих педагогов-психологов в данной статье понимается как интегративная характеристика, отражающая способность адаптироваться к осуществлению эффективной коммуникации в различных условиях психопросветительской, психопрофилактической, консультационной, психокоррекционной и психодиагностической работы и приводить коммуникативные знания, умения и опыт в состояние наивысшей готовности к взаимодействию с различными участниками образовательных отношений в школе. Развитие коммуникативной мобильности будущих педагогов-психологов связывается с их внутренней активностью, а также направленностью на изменение своего отношения к содержанию и характеру осуществляемой коммуникативной деятельности» [3, С. 2035].

Коммуникативная мобильность, как составная часть профессиональной мобильности, должна быть присуща всем педагогам-психологам. Однако молодые специалисты обладают ею явно на недостаточном уровне. Об этом свидетельствуют проведенные нами опросы и многочисленные публикации о проблемах молодых педагогов-психологов. Мы считаем, что данную проблему можно решить в стенах высшей школы: совершенствуя методы, средства, формы обучения и создавая дополнительные педагогические условия.

Необходимо отметить, что при всей «молодости» профессии «педагог-психолог», в педагогической науке накоплен значительный теоретический и эмпирический материал, касающийся вопросов совершенствования образовательного процесса в высшей школе при подготовке педагогов-психологов.

Список используемых источников информации

1. Ярычев Н.У., Алгаев А.Н. Развитие коммуникативной мобильности будущих педагогов-психологов в процессе профессиональной подготовки в вузе: монография. – Кисловодск: изд-во УЦ «МАГИСТР», 2015. – С.7.
2. Ярычев Н.У., Маликова Е.В. Место и роль молодежи в контексте государственной молодежной политики Российской Федерации // *Фундаментальные исследования*. – № 12-10. – 2014. – С. 2268.
3. Алгаев А.Н., Ярычев Н.У. Педагогические условия развития коммуникативной мобильности будущих педагогов-психологов // *Фундаментальные исследования*. – № 10. – 2013. – С. 2035.

Ярычев Н.У., Яударова Н.Ю.

Специфика проявлений произвольности поведения в младшем школьном возрасте: факторы, влияющие на регуляцию их поведения

Чеченский государственный университет (Россия, Грозный)

doi:10.18411/lj2015-11-s-15

Чеченская Республика переживает бурное развитие всех сфер жизнедеятельности, в первую очередь, это касается системы образования, которая пострадала больше всего от военных действий. «В настоящее время в условиях постконфликтного развития Чеченской Республики первостепенное значение для восстановления инфраструктуры социально-экономической сферы важное значение играет система образования, как правило, характеризующая отдельные сегменты региональной стабильности» [1, С. 290].

В этой связи, на наш взгляд, важное значение приобретают вопросы, касающиеся психологической адаптации младших школьников к новому социальному пространству. Педагог, умеющий создавать ситуацию успеха для своих учеников, педагог, являющийся другом и помощником – это требование нового века, нового стандарта образования и наконец, нового профессионального стандарта – документа, включающего перечень профессиональных и личностных требований к учителю [1]. Образ учителя – всезнающего идеала, как это было раньше, остался в прошлом. Умение понять ученика, принять таким,

какой он есть, не пытаясь переделывать его, умение реализовать свой педагогический потенциал для успешного обучения детей, входят в профессиональную компетенцию педагога нового поколения. В этом смысле «система образования, являясь социальным институтом, должна реагировать на сложившуюся ситуацию и способствовать снижению напряженности и нестабильности в российском обществе через преодоление конфликтов, воспитание культуры взаимоотношений и взаимодействия между субъектами образовательного процесса» [5, С. 3].

Профессиональная компетенция-способность успешно действовать на основе практического опыта, умения и знаний при решении профессиональных задач.

В профессиональном стандарте отражены три сферы ответственности педагога – это обучение, воспитание и развитие.

Если первые две хорошо знакомы педагогам, то третья является нововведением последнего стандарта.

В ней прописаны следующие требования:

1. Готовность принять разных детей. Профессиональная установка на оказание помощи любому ребенку.
2. Способность выявлять разнообразные проблемы детей, связанные с особенностями их развития.
3. Способность оказать адресную помощь ребенку своими педагогическими приемами.
4. Готовность к взаимодействию с другими специалистами в рамках психолого-медико-педагогического консилиума.
5. Умение читать документацию специалистов (психологов, дефектологов, логопедов и т.д.).
6. Умение составлять совместно с другими специалистами программу индивидуального развития ребенка [2].

Исходя из вышеперечисленного, можно сделать вывод, что психологическая компетенция, знание возрастных особенностей школьников и присущих каждому жизненному периоду поведенческих реакций, являются требованиями стандарта к каждому учителю. Приходя в школу, дети испытывают сильнейший стресс, поскольку окружавшая их дошкольная среда значительно отличалась от новой школьной жизни. Меняются статус ребенка, формы его деятельности, ведущей становится учеба, а не игра, как это было раньше, вследствие этого изменяется и поведение. Зная общую психологию школьника, педагог поможет ему пройти адаптационный период безболезненно, реагируя на малейшие изменения в поведении ребенка.

На поведение ребенка в школе влияют многие факторы:

1. Отношение учителя к ребенку (следует отметить, что от отношения учителя к ученику зависит и отношение к ребенку одноклассников);
2. Отношение родителей к новой жизни их ребенка (важно адекватное отношение родителей к новой роли их чада, то есть помощь и поддержка во всем, без излишней строгости);
3. Окружающая предметно-развивающая среда ребенка, как в школе, так и дома.

Поведение детей, а точнее говоря, нарушения в поведении или неумение контролировать свое эмоциональное состояние, встречающиеся у школьников, требуют внимания не только со стороны педагога, но и со стороны специалиста-психолога, который, как известно, должен сопровождать образовательный процесс.

Неизбежно возникает вопрос: какое поведение ребенка следует считать правильным, то есть идеальным? Под идеальным поведением мы понимаем социально одобряемые формы действий человека в той или иной ситуации. Но идеала, как известно не существует. Тем не

менее, любой учитель начальной школы знает, что одни дети легко свыкаются со школьной жизнью, а для других начало учебы становится тяжелым испытанием как для них самих, так и для окружающих. Объяснить появившиеся у ребенка особенности поведения можно связав их с переходом к новой возрастной ступени, к новой социальной роли, требующей мобилизации всех систем адаптационных возможностей ребенка.

Адаптационный период младшего школьника, оказывающий влияние на поведение, совпадает с возрастным кризисом 7 лет. Он связан с двумя основными изменениями в психическом развитии ребенка.

Во-первых, ребенок больше не путает свою точку зрения и точку зрения других. Он становится способным к рассуждению. Вместо импульсивного поведения дошкольника, ребенок 7-8 лет, перед тем как действовать, обычно анализирует всю ситуацию.

Во-вторых, происходят изменения в социальной позиции ребенка. Возникает ряд сложных образований: самолюбие, самооценка, обобщение чувств, уровень запроса к самому себе.

Внешними признаками начала кризиса являются утрата детской непосредственности, появление не совсем понятных «странностей». В поведении появляется что-то нарочитое, нелепое и искусственное, какая-то вертлявость, паясничанье, клоунада; ребенок строит из себя шута. Причины различной регуляции поведения у детей одной возрастной группы – тема множества исследований, как в области психологии, так и в педагогической науке.

Доказано, что окружающая среда (детский сад, улица, телевизор, компьютер, игры и т.д.), в которой живет и развивается ребенок, оказывает большое влияние на становление детского сознания, на формирование его поведения. В целях профилактики различного рода учебных дезадаптаций важно знать, что именно воздействует на саморегуляцию поведения нашего школьника, что в его сознании наиболее важно для него самого, что может быть скрыто от посторонних глаз и игнорируется взрослыми.

Для психологов центральным остается вопрос о ступенях становления детского сознания. Если речь идет о способах опосредования, способах регуляции поведения ребенка и решения им различных жизненных задач, то наряду с характеристикой самих средств, с помощью которых решаются задачи, поставленные перед ребенком, необходимо дать и характеристику тех видов действий, которые производятся с ними.

Научные исследования в области психологии, выявили три основные позиции мировосприятия и соответственно три способа регуляции поведения ребенка в любой ситуации.

Первый способ взаимодействия с миром – нормативно-стабилизирующий. Его применение направлено на освоение и использование существующих норм в широком смысле слова. В основе данного способа лежит применение знаковых средств (вставание при приветствии; поднятие руки, как готовности к ответу и т.д.).

Второй способ – смыслообразующий, направлен на поиск субъективных методов опосредования. Этот способ включает в себя, прежде всего процессы «эмоционального воображения» и основывается на использовании символических средств (художественные образы, мифы, сказки, музыка и т.д.).

Третий способ – преобразующий, направлен на преобразование реальности и разрешение противоречивой ситуации, используя «закон противоположностей». Этот способ включает в себя действия, как со знаковыми, так и с символическими средствами [3].

Какой способ будет предпочтительней для ребенка, зависит от конкретной задачи, которая стоит перед ним. При этом очевидно, что возможности саморегуляции определяются субъективными возможностями самого ребенка. Реальное же поведение характеризуется сочетанием указанных способов, которые достаточно полно представлены в различных культурах и субкультурах.

Общее примерное поведение определяется, как умение ребенка распознать ситуацию и требующийся к ней способ регуляции (требует ли она использования нормативного, смыслообразующего или преобразующего способа). Выявив, какой способ регуляции ребенок применять не научился, психолог может восполнить этот пробел, либо обучив его, либо повысив уровень освоения дефицитного способа регуляции и саморегуляции.

Особое место в развитии регуляции поведения младших школьников отводится умению ребенка прогнозировать события, которое свидетельствует о высоком уровне развития ориентировки в реальности (как ее познавательного, так и эмоционально-личностного компонентов). Это важно во время адаптации к новым условиям жизни (в нашем случае речь идет об адаптации к школе).

В период адаптации к новым школьным условиям ребенок должен научиться предусматривать последствия своих поступков и поведения. Задача педагога на данном – этапе помочь спрогнозировать события, если ребенок затрудняется это сделать. Можно выделить два основных подхода к способности прогнозировать, по-разному определяющих ее роль в развитии ребенка.

В первом подходе рассматривается роль предвосхищения в развитии детской личности, например, как прогноз, во многом определяющий жизненный путь ребенка. Взрослые имеют конкретные ожидания, основанные на их прошлом опыте и реальном видении ребенка, которые и определяют во многом их поведение по отношению к ребенку. В исследованиях, использующий данный подход, способность ребенка рассматривается как бы снаружи, не всесторонне, в режиме реального времени, определяющем как поведение самого взрослого, так и развитие ребенка. Таким образом, опережающее сознание получает существующую реальность [4]. Например, если ребенок придет с прогулки, не запачкавшись, то его родители будут им довольны; если он получает хорошие оценки в школе, то он – молодец и т.д., таким образом, возникает алгоритм поведения ребенка и вся последующая жизнь посвящена тому, чтобы оправдать надежды родителей.

Во втором подходе способность прогнозировать рассматривается и в когнитивном, и в личностном аспекте, как способность представить вполне конкретное событие до его наступления. Например, ребенок знает, что его будут ругать за грязную одежду, но он может объяснить, что сделал это не специально; получение плохой отметки оправдать болезнью и т.д.

Если наш ученик рос и воспитывался в познавательно-развивающей среде, окруженный различными практическими, подходящими по возрасту средствами для его развития, то и саморегуляция его поведения будет удовлетворительной, и соответственно адаптация не вызовет болезненных реакций организма на изменение окружающей среды. Дети со слабой регуляцией поведения будут испытывать большие трудности, которые преодолеваются совместными усилиями педагога, родителей и самого ребенка.

В новом профессиональном стандарте педагога четко говорится, что «для эффективного выполнения трудовой функции учителю необходимо усвоить ряд фундаментальных понятий из психологии личности, возрастной и педагогической психологии, определяющих результаты образовательного процесса, степень развития метапредметных компетенций, уровень и показатели социализации личности, ее развития...» [4]. Формирование умения ребенка регулировать свое поведение, сознательное соблюдение требований школьной дисциплины заложено в «Портрете выпускника начальной школы», как в своеобразном идеале, который содержит личностные характеристики и должен стать результатом обучения и воспитания в начальной школе.

Список используемых источников информации

1. Ярычев Н. У. Становление и развитие инновационных механизмов в образовательном пространстве Чеченской республики в условиях постконфликтного периода [Текст] / Н. У. Ярычев // Молодой ученый. – 2009. – № 4. – С. 290.
2. Профессиональный стандарт педагога // <http://www.academy.edu>.

3. Веракса Н.Е., Веракса А.Н. История возрастной психологии: детская психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: «Академия», 2008.
4. Запорожец А.В. К вопросу о генезисе, функции и структуре эмоциональных процессов у ребенка // Избр. психол. тр.: В 2 т. Т. 1. Психическое развитие ребенка. – М., 1986.
5. Ярычев Н.У. Концепция развития конфликтологической культуры учителя в самообучающейся организации: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук / Южно-Уральский государственный университет. Челябинск, 2011. – С. 3.

Ярычев Н.У.

Формирования гендерных установок в традиционной чеченской культуре

Чеченский государственный университет (Россия, Грозный)

doi:10.18411/lj2015-11-s-16

В последнее время большую актуальность для различных исследовательских направлений приобрели вопросы гендерных отношений в общей структуре взаимодействия современного общества. Не менее актуальны эти вопросы и для традиционных народов и культур Северного Кавказа, в том числе и чеченцев. «Духовные ценности народа, его традиции, обычаи и нравы в течение многих поколений играли и играют сегодня решающую роль в становлении личности, в формировании духовно-нравственных качеств подрастающих поколений. В них сосредоточены такие гуманистические ценности, которые не подвержены старению. В тоже время они создают этническую специфику народов, украшают их духовный облик. Сейчас важно не растерять те ценности в духовной культуре прошлого, которые были накоплены многими поколениями того или иного этноса, т.к. в воспитании подрастающего поколения невозможно обойтись без использования опыта народа в этой области, его педагогических традиций» [1, С. 3].

Как правило, половая принадлежность в любом обществе играет огромное социокультурное значение, обязывающее выполнять определенные социальные функции и роли. Современные понятия «маскулинность» и «феминность» выражают формы, установки и предписываемое, как мужчине, так и женщине определенное поведение в соответствии с их половой принадлежностью.

В отличие от неустойчивых типов отдельных культурных образований, на наш взгляд, в традиционных этнических культурах важное место занимает сложившиеся на протяжении долгого периода времени элементы культуры, особенности быта, система ценностей и т.д., влияющие на формирование устойчивого мировоззрения и характера человека. Ментальные установки представителей чеченского этноса реализуются в форме идентификационных проявлений их традиционной культуры. Ее фундаментальной социокультурной базой, несомненно, выступает система обычаев, традиций и нравов, во многом определяющая гендерные ролевые установки. Система народного воспитания, известная как этнопедагогика, играет важную роль в воспитании подрастающего поколения. «Духовное богатство этноса всегда было связано с народной педагогикой, с духовно-культурными проповедями, нравственными идеалами, взглядами, представлениями, воспитательными установками. Поэтому передача подрастающим поколениям этих понятий, идей и опыта нравственного воспитания особенно актуализируется в наши дни...» [1, С. 4].

С самого раннего детства в традиционной чеченской семье закладывается набор основных социальных ролей, которые на протяжении всей жизни человек должен выполнять в соответствии со своей половой принадлежностью.

Так, ребенку мужского пола прививаются такие маскулинные качества, как стойкость, самодостаточность, смелость, решительность и т.д. В патриархальном обществе, основные черты которого характерны и традиционной чеченской культуре, эти качества, как правило, определяют ведущую роль мужчины в семье и, как следствие, в обществе. Несомненно, система воспитания в традиционных культурах должна строиться только на основе этнопедагогики, которая призвана прививать основные социокультурные маркеры. «Чтобы

развить педагогические ценности народа, возродить лучшие традиции своей подлинной национальной культуры, необходимо вернуться к прошлой истории, раздвинуть границы познанного, представить всю картину забытого и познакомить молодое поколение с фактами, прошедшими в судьбе его народа» [1, С. 4].

В идеале весь процесс воспитания представителя мужского пола в традиционной чеченской культуре должен быть направлен на формирование социокультурного кодекса «*Къонахалла*», (т.е. мужественность, рыцарство), выражающего основные мужские гендерные характеристики. Согласно этому древнему чеченскому кодексу чести в идеале каждый мужчина должен выполнять роль «*къонаха*», которую можно обозначить как нормативную модель поведения. Как правило, образцом для подражания для ребенка мужского пола выступает отец, а при его отсутствии старший мужчина в семье (брат, дядя, дедушка, представители рода и т.д.). В повседневной реализации своей гендерной роли отец или старший мужчина становится живым примером для усвоения мальчиком необходимых ролевых установок, которые имеют первостепенное значение для него. «Дети среди семейных ценностей, – пишет Л.И. Савинов, – играют особую, связующую роль, давая возможность для выполнения личностью функций отца, матери, сына, дочери, внука. В детях старшие реализуют себя как личность» [2, С. 16].

Так, в процессе усвоения основных социальных ролей мужчина в традиционной чеченской культуре выполняет такие обязательные гендерные роли, как защитник, глава семьи, активный член общества, пример для подражания, в отдельности, носитель необходимых для подрастающего мужского поколения ролевых установок и т.д.

В процессе социокультурных изменений гендерные установки, несомненно, обладают способностью трансформироваться, но в своей основе, как правило, они остаются неизменными, сохраняя базовые характеристики и ценностные установки и направления.

В отличие от воспитания мальчиков процесс усвоения ребенком женского пола основных гендерных ролей достаточно сложен. В первую очередь, это связано с высоким уровнем социальных ограничений и запретов, присутствующих в традиционных культурах.

Так, ребенку женского пола прививаются такие феминные качества, как пассивность, отзывчивость, мягкость, материнская «локальность», заботливость, нежность, эмоциональность, умиротворенность и т.д. Эти и многие другие характерные свойства обуславливают гендерную роль женщины, причем ставя ее в наиболее выгодное положение. В определенном смысле женщине могут быть присущи мужские черты, притом, что мужчина лишен такой привилегированной социальной возможности, обусловленной общественным ограничением, по типу – все женское для мужчины запрещено.

Женственность как основная феминная черта женского характера в традиционной чеченской культуре понимается как социально обусловленное выражение, присущее внутреннему миру женщины, и в этом смысле нельзя полным образом определить феминные характеристики последней.

Как правило, идеальным гендерным образцом для подражания выступает мать, а при ее отсутствии старшая женщина в семье (сестра, тетя, бабушка и т.д.). Согласно главной установке в традиционной чеченской культуре, девочка готовится к выполнению основной функции – репродуктивной. При этом она подвергается всестороннему общественному ограничению и в своей деятельности она локализована в рамках института семьи. Как утверждает кавказская народная мудрость «стихия женщины – дом». Хотя глобализация современного общества, развитие информационной культуры все более расширяют границы женской эмансипации.

В период процесса социализации ребенок женского пола выступает как потенциальная домохозяйка, и в этом смысле его обучают всем тонкостям домашней работы. Безусловно, мужское начало имеет наибольшее общественное значение, опосредованное физической силой и более высоким социальным статусом в социуме. Это определяется и радостью рождения ребенка мужского пола, при чем, как правило, это чувство в первую

очередь испытывает мать, в определенной степени осознающая укрепление своего социального статуса и общественной роли.

«Воспитание подрастающего поколения – одна из главных задач изначальных потребностей человеческого общества и необходимое условие для существования и развития. Поэтому оно и возникло вместе с зарождением человеческого общества. Чем успешнее молодое поколение усвоит принятые в семье и обществе нормы общения, отношений, способы трудовой деятельности, тем благополучнее и стабильнее станет жизнь общества» [3]. Таким образом, мы можем утверждать, что в традиционной чеченской культуре первичное усвоенное поведения формирует неизменные гендерные установки, как правило, соответствующие половой принадлежности того или иного индивида.

Список используемых источников информации

1. Ярычев Н.У., Саракаева А.Х. Традиции и обычаи чеченцев как этнопедагогические принципы воспитания молодежи [Текст]: монография / Н.У. Ярычев, А.Х. Саракаева / ГБОУ ДПО «Чеченский институт повышения квалификации работников образования»; ГБОУ СПО «Грозненский педагогический колледж». – М.: Издательство «Милениум», 2012. – С. 3.
2. Савинов Л.И. Семейведение. – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2000. – С. 16.
3. Ярычев Н.У., Саракаева А.Х. Теоретико-методологические основы традиционной системы воспитания у народов Северного Кавказа // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 3 (41) // <http://www.science-education.ru/103-6447> [дата обращения: 22.10.2015].

Ярычев Н.У.

Россия в рамках единого европейского образовательного пространства: болонский процесс как основа стратегического развития (аналитический подход к противоречиям)

Чеченский государственный университет (Россия, Грозный)

doi:10.18411/lj2015-11-s-17

Как известно, понимание универсального характера современной интеллектуальной культуры строится на осмыслении продуктивности конкретных образовательных моделей, которые, как правило, выражают степень развития той или иной общественной системы. В этом смысле в современных условиях развития отечественной системы высшего профессионального образования актуализируются вопросы, связанные с вхождением Российской Федерацией в болонское образовательное пространство, ставшее неотъемлемой частью процесса ее интеграции, как в европейское образовательное пространство, так и интеллектуальную культуру. «Культура охватывает весь процесс управления от начала и до конца, играет большую роль в налаживании общения, формирует восприятие и интерпретацию как вербальной, так и невербальной средств коммуникации. «Качество деятельности политической элиты страны зависит от того, насколько компетентными окажутся будущие специалисты государственного управления» [1, С. 424].

Началом кардинальных реформ в высшей школе послужило участие в работе Берлинской конференции министров, отвечающих за вопросы образования в странах-участницах Болонского процесса, проходившей 18-19 сентября 2003 года, – министра образования Российской Федерации В.М. Филиппова и подписание им от имени Правительства нашей страны Болонской образовательной декларации. Данное решение руководства нашей страны было включено в итоговое Коммюнике состоявшейся конференции министров высшего профессионального образования европейских стран, как следствие подтвердившего статус Российской Федерации как полноправного члена европейского образовательного сообщества. Так, согласно вышеподписанной Декларации

Российская Федерация обязуется до 2010 года реализовать ее основополагающие принципы, которые требуют кардинального изменения подходов к построению и реализации образовательной политики в целом.

Мы, несомненно, осознаем, что в глобальном понимании вопрос об интеграции отечественного образования в европейское образовательное пространство в настоящее время не стоит. Сегодня Россия является неотъемлемой частью Европы во всех смыслах, и в первую очередь это касается рынка образовательных услуг, который на протяжении последних пятнадцати лет сохраняет стабильную динамику роста интереса к своему высокому качеству.

В настоящее время нельзя утверждать, что Россия не готова к вступлению в европейское образовательное пространство, вовсе нет. В настоящее время сделано немало, хотя предстоит сделать намного больше. Уже порядка 18 лет ведется двухуровневая подготовка специалистов в высших учебных заведениях (бакалавриат и магистратура).

Скорее всего, в условиях фактического вхождения России в Болонский процесс вопросы должны касаться того, какие ценности и приоритеты европейского образования для нас наиболее приемлемы и, что мы можем преподнести европейцам как конкретное предложение.

В современных условиях жестких рыночных отношений вхождение России в Болонский процесс может послужить хорошим толчком для продвижения отечественного образования на европейском рынке образовательных услуг, притом, что отечественные образовательные традиции давно зарекомендовали себя во всем мире и пользуются огромным успехом. Другая сторона вопроса, насколько наша страна экономически готова к реализации такого шага, хотя вопрос с правовой точки зрения уже исчерпан и осталось только воплощать договоренности в жизнь. И, тем не менее, вопросов, которые требуют незамедлительных и конкретных ответов остается много.

Отечественная образовательная и академическая элита разделилась в этом вопросе, и консенсуса, как видится, в ближайшем будущем не ожидается. Нельзя не согласиться со всеми сторонами диалога, которые, казалось бы, предъявляют довольно смелые и трезвые доводы, отражающие сущность наиболее применимой к конкретной ситуации точки зрения. «С одной стороны, – утверждает В.М. Филиппов, – мы должны воспользоваться Болонским соглашением, чтобы повысить качество российского образования, с другой стороны, самое страшное – это желание быть ни на кого не похожим. Вот это – опасно. Как показывает опыт цивилизации, это приводит к деградации. Мы не можем проводить свои реформы без учета мировых тенденций» [2, С. 66].

Нельзя не согласиться с тем, что Болонский процесс отчасти приведет к потере отечественных образовательных традиций, основывающихся на прочной фундаментальной основе. И в этом смысле какие-либо кардинальные изменения могут только ухудшить процесс внутренней модернизации образования, требующей все новых и новых преобразований, вызывающих неоднозначную оценку общественности. Если полагаться на конкретную необходимость участия России в общеевропейском образовательном пространстве, притом, что это будет способствовать ее положительной интеграции, то, несомненно, нужно действовать.

Современный российский вуз помимо научного ядра является и социокультурным центром, что вполне способствует становлению полноценной и конкурентоспособной личности. Выпускник российского вуза вполне способен профессионально действовать на производстве, причем его теоретические знания отчасти подкреплены полноценной практикой (в частности в области естественных и технических специальностей). Конечно,

мы можем говорить об отдельных недостатках стороны, касающейся вопроса качества отечественного высшего образования, но в целом, это не должно отражаться на всей системе высшего профессионального образования. «Качество, – говорится во Всемирной декларации о высшем образовании для XXI века, принятой в 1998 году, на организованной ЮНЕСКО Всемирной конференции по высшему образованию, – в сфере высшего образования является многомерной концепцией, которая должна охватывать все его функции и виды деятельности: учебные и академические программы; научные исследования и стипендии; укомплектование кадрами; учащихся; здания; материально-техническую базу; оборудование; работу на благо общества и академическую среду» [3, С. 26].

Понимание роли вступления России в Болонский образовательный процесс требует гармонизации всех точек зрения «за» и «против», что должно отразиться в итоге в выстраивании новых образовательных форм и стандартов.

Конечно, сегодня уже поздно заводить академические дискуссии по поводу, насколько нужно и необходимо вступать России в Болонский процесс. Как известно, вопросы реализации основ Болонской декларации решены на законодательном уровне и в настоящее время воплощаются в жизнь. Скорее, как нам представляется, вопрос состоит в другой плоскости, как наиболее эффективным образом реализовать положения данной декларации, чтобы получить максимально приближенную к нашим реальностям конкретные формы.

Сторонники вхождения России в Болонский процесс (что уже состоялось!) понимают: одно из его преимуществ в том, что в настоящее время создается единая политическая Европа с единой конституцией, единое экономическое пространство без границ, единый финансовый режим с единой валютой. При этом получается, что построение единого европейского образовательного пространства органично сочетается с построением так называемой «Единой Европы». Как ни странно, но участие России в жизни единой Европы пока отражается только в образовательной сфере, и это пока только начальная стадия. В соответствии с изменениями, которые предполагает болонский процесс, важное значение приобретает компетентностный подход, предполагающий результаты образования признаются значимыми за пределами системы образования. «Компетентностный подход, будучи ориентированным, прежде всего, на новое видение целей и оценку результатов профессионального образования, предъявляет свои требования и к другим компонентам образовательного процесса – содержанию, педагогическим технологиям, средствам контроля и оценки. Главное здесь – это проектирование и реализация таких технологий обучения, которые создавали бы ситуации включения студентов в разные виды деятельности (общение, решение проблем, дискуссии, диспуты, выполнение проектов)» [4, С. 154].

Как нам думается, вопрос интеграции отечественного образования в общеевропейское образовательное пространство все еще остается открытым, хотя позиция руководства страны давно сказала свое слово. И, тем не менее, нельзя отрицать отдельных преимуществ любой новой системы, если она не способствует полному разложению традиционно сложившейся. Итак, время покажет.

Список используемых источников информации

1. Ярычев Н.У., Дудаев Г.С-Х. Структура и содержание управленческой компетенции будущего специалиста государственного управления // Фундаментальные исследования. – № 11. – 2014. – С. 424.
2. Чумаков А.Н. Реформа образования // Вестник Российского философского общества, 2005. – № 1 (33). – С. 66.
3. Высшее образование в XXI веке: подходы и практические меры. – Париж: ЮНЕСКО, 1998. – С. 26.
4. Ярычев Н.У., Дудаев Г.С-Х. Компетентностный подход как фактор повышения качества образования // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. – 2015. – № 8-5. – С.154.

Ярычев Н.У.

К вопросу исследования особенностей внутрипоколенческой и межпоколенческой социокультурной мобильности

Чеченский государственный университет (Россия, Грозный)

doi:10.18411/lj2015-11-s-18

Объем понятия «социальная мобильность» шире объема понятия «межпоколенческая мобильность», мы начинаем свой дискурс именно с первого. Великим российско-американским социологом П.А. Сорокиным на убедительных примерах раскрыта сущность и значение перемещения индивидов из одной социальной группы или социальной позиции в другую [1, с. 302]. Горизонтальная и вертикальная типы социальной мобильности являются по существу одной из основных форм внутри- и межпоколенческого взаимодействия. Хрестоматийное значение горизонтальной социальной мобильности заключается в перемещении индивида между группами в пределах одной социальной страты. «Одним из основных противоречий мирового процесса является радикальное различие ценностных ориентаций его субъектов, во многом определяющее направленность их социальной деятельности. Негативные последствия ценностно-нормативного хаоса, господствующего в мировом социальном организме, со всей остротой проявились в последнее десятилетие» [2, с. 94].

Для социального прогресса в целом более важной является вертикальная социальная мобильность, которая осуществляется посредством перехода из одной социальной стратосферы в другую. При этом восходящий тип социальной мобильности является более предпочтительным, чем нисходящий. В связи с выше изложенным полагаем необходимым отметить, что классическая концепция социальной мобильности П. А. Сорокина, может быть задействована целесообразным способом в процессе теоретического конструирования механизмов глобальной социальной технологии гуманизации социального взаимодействия. Оба типа социальной мобильности являются своего рода внутренним смысловым структурообразующим каркасом означенной технологии. В контексте теории социально-этического Ренессанса полагаем крайне важным общеизвестные – экономическую, политическую и профессиональную функции социальной мобильности дополнить социально-этической, духовно-нравственной и гуманистической.

Естественно в идеале направление социальной мобильной динамики может быть исключительно восходящим. Исторические формы дифференциации искусственной социальной стратификации общества с необходимостью предстоит дополнить социально-этической стратой людей доброй воли. В данной связи представляется, что все существующие формы дифференциации социальных организмов постепенно уйдут в историческое прошлое, и будут восприниматься нашими потомками как архаика злоцентрированной социальной динамики. Приводимый П. А. Сорокиным пример кастовой стратификации индийского общества строился для закрепления экономических социальных и моральных предпочтений одной части общества над другой. Справедливое общество будущего отмечает любые виды угнетения, отчуждения, открытой и скрытой эксплуатации, а тем более геноцида.

Характерной особенностью социальной мобильности в реально-виртуальном жизненном пространстве сетевого сообщества Граждан Мира является отсутствие общепризнанных экономическо-профессиональных, политических или каких бы то ни было иных страт. Социально значимым и гуманистически ценным может быть в означенном контексте только исключительно социальная мобильность, которая способствует в той или иной мере позитивным целям и задачам как всего сообщества, так и его локальных сегментов с необходимостью включающих индивидуальных и коллективных субъектов. Отдельного рассмотрения в данной связи заслуживают способы сетевой взаимосвязи, которые в классической теории социальной мобильности П. А. Сорокина именуются как

«отверстия», «лестницы», «пути» – каналы социально-этической циркуляции, по которым могут распространяться гуманистические идеи, социальные технологии, передовой опыт, интеллектуальные продукты прогнозного характера, а также содержание неформальной коммуникации акторов в масштабах всей сети.

Еще одной принципиальной особенностью данного типа социального взаимодействия является отсутствие иерархии управления, разветвленной бюрократической структуры руководства с неизменными двунаправленными нисходяще-восходящими информационными потоками, являющимися непререкаемыми переменными любого традиционного института общества. Относительно общих правил мобильности, открытых еще знаменитым П. А. Сорокиным, полагаем целесообразным их преобразование в соответствие с целью и задачами концептуального конструирования теории глобального гуманистического социального взаимодействия.

Касательно первого утверждения, согласно которому вертикальная мобильность ограничивается экономическим, политическим, профессиональным компонентами с необходимостью дополняются гуманистической духовно-нравственной, социально-этической составляющими. Относительно второго утверждения, фиксирующего несвободный характер перехода из одной социальной страты в другую, полагаем необходимым внести существенное дополнение, заключающееся в том, что в масштабах универсальной глобально-гуманистической ниши, основой направленных трансформаций, является социально-этическая результирующая абсолютно свободной реально-виртуальной коммуникации.

Третье утверждение, фиксирующее правило «всеобщности и интенсивности» вертикальной социальной «мобильности» эволюционируют в социальном пространстве. Данное утверждение П.А. Сорокина мы полностью разделяем. Более того считаем его исключительно важным в методологическом обосновании теории глобального социально-этического Ренессанса, поскольку определяет возможности качественной спецификации форм и методов гуманистической деятельности во всех социальных организмах мирового сообщества. Очевидно, четвертое утверждение П.А. Сорокина относительно трансформации выше обозначенных трех форм мобильности является справедливым и в отношении глобальной социально-этической динамики на разных этапах эволюции национальных социальных организмов.

Проектируемое гуманистическое социальное движение в силу его высокой гражданской интенсивности, безусловно, будет открытым, то есть доступным для включения новых субъектов, ценностей, смыслов, идей, проектов. В определенной мере может быть трансформирована и образовательная деятельность, являющаяся основным механизмом изменения статусных позиций в традиционных обществах. В данной связи следует отметить, что изменится не столько его содержание, методологическая основа, организационно-педагогические механизмы, но и в первую очередь целевые приоритеты. Преднамеренное выделение рассматриваемого типа социальной мобильности из его классических аналогов обусловлено катастрофичным духовно-нравственным состоянием мирового сообщества и соответствующими условиями и направленностью его совокупной деятельности. Предполагаем, что по истечению определенного гуманистически-трансформационного периода истории человечества классическая теория социальной мобильности может быть укоренена в мировом социальном организме. Таким образом, означенные выше социально-этические преобразования, как в локальных социальных организмах, так и в мировом сообществе в целом существенно интенсифицируются.

Социальная мобильность в рамках последовательно конструируемой социальной теории гуманистического Ренессанса является организованной и строится на принципах самоуправления. Означенная выше социальная теория обладает мощным преобразовательным потенциалом и существенно расширяет деятельностный диапазон групповой социальной мобильности, расширяя классический состав ее переменных социально-этической составляющей. Также необходимо отметить, что в структуре

предлагаемого типа социальной мобильности предполагается поступательное увеличение удельного веса духовно-нравственной составляющей. Уникальными факторами интенсификации подобного рода социальной динамики будут в первую очередь жизнетворческие потенциалы социальных индивидов, которые будут обуславливать создание ими неформальных сообществ, включающих сторонников, единомышленников и сотрудников различного масштаба и уровня организации. Представляется, что данная позитивно социально-этически ориентированная активность Граждан Мира существенно расширит возможности гуманизации мобильности как в пределах своего поколения, так и интергенерационную мобильность, предполагающую включение в соответствующие коммуникационные зоны индивидуальных и коллективных субъектов других поколений. Одним из факторов, способствующим осуществлению рассматриваемой социально-этической инновации, является кризисное состояние социальной мобильности, не отвечающей основным постулатам и определяющим принципам либеральной демократии. В силу краткости циклов внутр поколенческой мобильности в контексте предлагаемой социально-этической теории ее интенсивность должна быть предельно высокой. «Необходимо актуализировать в общественном сознании современной мировой межпоколенческой общности гуманистический концептуальный фонд, интегрировать в нем определяющие смысловые конструкты духовно-нравственной сферы. Представляется, что именно в подобном глобальном социально-философском проекте может сформироваться методологическая база нового типа социальной динамики в масштабах межпоколенческих цивилизационно-гуманистических страт этнонациональных общностей, а затем и в рамках устойчивой транснациональной системы «горизонтального товарищества» [3, с. 173].

Список используемых источников информации

1. Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность / Питирим Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. – М., 1992. – С. 302.
2. Ярычев Н.У. Субъектная структура сознания современной глобальной межпоколенческой общности / Н.У. Ярычев [Текст] // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Социология. Философия. Право». – № 2 (199). – 2015. – С. 94.
3. Ярычев Н.У. Идеалы и идеи прошлых и современных поколений в контексте социальных ожиданий будущего // Вестник Чеченского государственного университета. – № 2. – 2015. – С. 173.

Ярычев Н.У.

Трансформация отечественного рынка труда и актуализация вопросов занятости населения: проблемы и способы разрешения

Чеченский государственный университет (Россия, Грозный)

doi:10.18411/lj2015-11-s-19

В условиях современных сложных общественных отношений и формирующегося социально-экономического кризиса большую актуальность приобретают вопросы, касающиеся проблем рынка труда и занятости населения, что формирует неоднозначные последствия в основных сферах человеческой жизнедеятельности и толкает как общество, так и государство к поиску новых, наиболее оптимальных способов и путей разрешения данной проблемы. «Период конца XX и начала XXI века, – пишет Н.У. Ярычев, – был насыщен различными политическими, культурными, социальными и экономическими потрясениями, породившими большое количество проблем в различных сферах общественной жизнедеятельности. Наша страна перешла от форм социалистического хозяйствования – плановой экономики, на совсем иную модель экономического развития

общества – рыночные отношения, становление которых также сопровождалось различного рода кризисными тенденциями и коренными изменениями» [1, С. 209].

Одной из главных причин такого развития дел в первую очередь видится в глубоком кризисе на рынке трудовых отношений, ставших следствием новой социально-экономической плоскости в системе общественных отношений, сформировавшейся в нашей стране в результате смены политического курса в конце 90-х годов прошлого столетия. Конечным итогом чего стало появление открытого рынка услуг, где спрос и предложение не всегда способны к продуктивному синтезу.

Так, профессор П.Д. Павленок пишет «проблема занятости является одной из фундаментальных в развитии и функционировании человеческого общества. Безработица (незанятость) – явление, свойственное определенной стадии товарного производства. Переход к рынку неизбежно вызывает значительный рост безработицы, о чем свидетельствует, опыт восточноевропейских стран, прошедших или проходящих путь становления рыночных отношений. Это же подтверждает и практика общественных преобразований в России» [2, с. 240].

Несомненно, на рынке труда, как и в системе любого социально обусловленного института, происходят как положительные, так и отрицательные процессы, которые в целом влияют на общественные отношения и способствуют их видоизменению. И в этом смысле, как нам представляется, наибольшее значение имеют отрицательные процессы, деструктивным образом влияющие на структуру рынка труда, к которым можно отнести:

- воспроизводство существенного неравенства;
- усиление дифференциации в обществе;
- ориентация не на производство социально необходимой продукции, а на удовлетворение запросов наиболее социально-экономически обеспеченных групп населения;
- постепенная деструкция культуры труда и т.д.

Во многом именно эти процессы в большинстве случаев способствуют нарушению баланса сил на рынке труда и глобальным образом влияет на нарушение системности всеобщей занятости населения.

Важно понимать, что формированию проблем на рынке труда способствуют различного рода факторы, которые в итоге системным образом влияют на его целостное функционирование и выводят и лишают производительных сил целые производственные отрасли народного хозяйства.

По мнению отдельных исследователей, к основным и наиболее существенным факторам, способствующим развитию безработицы можно отнести такие, как: научно-технический прогресс; структурные изменения в экономике; повышение производительности труда; закон экономии времени и т.д.

В таких сложных социально-экономических условиях, в настоящее время определяемыми «глобальным» финансовым кризисом все труднее становится реализовывать индивидуальное право на труд. Больше всего вышеуказанный кризис коснулся наиболее крупных российских мегаполисов, таких как Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Красноярск, Новосибирск и т.д., где рынок труда более чувствителен, чем в иных регионах, характеризующихся наименьшей социально-экономической активностью.

В этом смысле кризис на рынке труда и проблема занятости населения способствует нарушению трудовых прав граждан, законодательным образом закрепленных в основном законе государства. Так, пункт 1 статьи 37 Конституции Российской Федерации, принятая в 1993 году, гласит «Труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими

способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию» [3]. Помимо права на труд в нашей стране гражданин законодательно защищен и от безработицы, о чем говорится в пункте 3 той же статьи. «Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы» [3, с. 9]. Таким образом, в настоящее время можно утверждать, что в нашей стране отчасти не соблюдается трудовое законодательство, слабо сформирована политика в области занятости населения, хотя в последнее время наметились небольшие положительные тенденции.

По мнению отдельных исследователей в результате проведения в нашей стране курса реформ в сфере занятости населения обозначились следующие тенденции:

- абсолютное сокращение занятых в стране;
- сокращение занятых в государственном секторе, развитие малого предпринимательства, увеличение числа самозанятых, развитие новых форм частичной и вторичной занятости;
- процессы реструктуризации отраслевой занятости: сокращение численности работающих в промышленности и строительстве, науке и научном обслуживании, рост занятых в отраслях торговли и общественного питания, материально-технического обслуживания, сбыта, ЖКХ, здравоохранения, кредитования, финансирования, страхования и т.п.;
- возникновение рынков детского труда, рабочих мест для лиц послепенсионного возраста;
- расширение занятости в сфере личных услуг (охрана, личный транспорт, обслуживание на дому и т.п.);
- легализация безработицы и быстрое ее распространение на территории России в связи с сокращением спроса на рабочую силу; увеличение уровня латентной безработицы;
- усиление процессов текучести, высвобождение рабочей силы, трудовая миграция, изменение ее направлений и форм;
- активное развитие неформального сектора и рост занятости в теневой экономике;
- выделение наименее защищенных слоев населения с точки зрения трудового законодательства в лице молодежи и женщин.

В современном научном обороте присутствует различное множество трактовок безработицы, которые в целом отражают единую социально-экономическую сущность. Так, в словаре «Социальная политика, уровень и качество жизни», выпущенном Всероссийским центром уровня жизни под безработицей понимается «социально-экономическое явление, выражающееся в том, что часть активного трудоспособного населения не может найти подходящую работу на рынке труда» [4, С. 15]. При этом важно понимать, что в данном определении даются лишь общие параметры понятия безработицы, причем в конкретных условиях необходимо понимать различные виды ее проявления, которые имеют свою специфику.

Большое значение в рамках интересующей нас темы имеет работа Служб занятости населения, отчасти способствующая формированию системы учета безработного населения. Специфика работы таких учреждений в первую очередь определяется неоднозначными процессами, которые происходят на современном российском рынке труда. В настоящее время центрами занятости населения стоят такие наиболее актуальные задачи, как:

- сбор и распространение информации о спросе и предложении на местном рынке труда;
- консультирование работников по вопросам профессионального обучения и трудоустройства;
- профессиональная ориентация всех групп населения;
- выплата пособий по временной незанятости;
- консультирование предпринимателей по проблемам занятости и использования рабочей силы;
- оказание помощи в кадровом планировании предприятий;
- организация подготовки высвобождаемой из производства рабочей силы.

Список используемых источников информации

1. Ярычев Н.У. Опыт реализации государственной социальной политики в чеченской республике: к вопросу о проблемах становления и дальнейшего развития // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – № 1. – 208. – С. 209.
2. Основы социальной работы: Учебник / Отв. ред. П.Д. Павленок. – 3-е изд., испр. и под. – М.: ИНФРА-М (Высшее образование), 2007. – С. 240.
3. Конституция Российской Федерации / принята на всенародном референдуме 12 декабря 1993 г. (текст дан с изменениями, внесенными Указами Президента Российской Федерации от 09.01.1996. – № 20; от 10.02.1996. – № 173; от 09.06.2001. – № 679; от 25.07.2003. – № 84. – М., «Издательство ЭЛИТ-ПРЕСС», 2004. – С. 9.
4. Социальная политика, уровень и качество жизни. Словарь. / Под общей редакцией В.Н. Бобкова, А.П. Починка. – М.: Издательство ВЦУЖ, 2001. – С. 15.

Яударова Н.Ю.

Организация образовательной деятельности с детьми с особыми образовательными потребностями в условиях инклюзивного образования

Чеченский государственный университет (Россия, Грозный)

doi:10.18411/lj2015-11-s-20

Как известно, после распада СССР, отечественная система образования подверглась коренным изменениям. «Период конца XX и начала XXI века, – пишет Н.У. Ярычев, – был насыщен различными политическими, культурными, социальными и экономическими потрясениями, породившими большое количество проблем в различных сферах общественной жизнедеятельности. Наша страна перешла от форм социалистического хозяйствования – плановой экономики, на совсем иную модель экономического развития общества – рыночные отношения, становление которых также сопровождалось различного рода кризисными тенденциями и коренными изменениями» [1, С. 209].

Модернизация современного образовательного пространства предполагает готовность педагогических кадров к необходимым изменениям в профессиональной деятельности. «Характерной чертой развития мирового сообщества на современном этапе выступает формирование социально-экономической системы, в которой доминирующую роль играет инновационная деятельность, как фактор, обеспечивающий конкурентные преимущества высшего порядка. В этом контексте одним из значимых направлений формирования инновационной экономики выступает образовательная система» [2, С. 247]. Стандарты нового поколения, нормативно-правовая база образовательных услуг предписывают одинаковую возможность обучения как детям без особенностей в развитии, так и детям с особыми образовательными потребностями (в законе «Об образовании» таких детей называют дети с ОВЗ – ограниченными возможностями здоровья, но с точки зрения многих психологов, более подходящая формулировка – дети с особыми образовательными потребностями, потому что никто из людей не может похвастать безграничными

возможностями здоровья, вот и получается, что все мы являемся людьми с ограниченными возможностями здоровья. В данном контексте мы будем использовать аббревиатуру дети с ООП (с особыми образовательными потребностями) [3]. В связи с этим педагоги, обучающие детей без особенностей в развитии, а так же с особыми образовательными потребностями, должны обладать специальными знаниями и компетенциями. В профессиональном стандарте педагога психологическая компетентность входит в разряд обязательных и профессиональных компетенций, которыми должен обладать педагог, занимающийся профессиональной деятельностью в сфере образования. «В современных условиях динамичного развития отдельных сфер человеческой жизнедеятельности, как нам представляется, наибольшую актуальность приобретают вопросы социокультурного порядка, в частности касающиеся системы образования, во многом отражающие становление и развитие совершенно нового отечественного образовательного пространства, обусловленного внедрением в рамках его масштабной модернизации инновационных методов и технологий» [4, С. 290].

Введение инклюзивного образования показало, насколько оказались не готовыми педагогические кадры к подобным нововведениям. Посадив за одну парту ребенка с особыми образовательными потребностями и ребенка без особенностей в развитии, инклюзивное образование предполагает, что учителя обладают необходимой компетентностью для эффективного обучения и тех и других. На деле же оказалось, что многие педагоги, имеющие у себя в классах детей с ООП, не знают как им организовать образовательный процесс без ущерба для тех или других учеников. Учителя стали бросаться из крайности в крайность: либо основное внимание стали уделять только детям с ООП, а остальные оставались без педагогического интереса, либо вся учеба таких детей сводилась к банальным фразам, похлопываниям и подбадриваниям, а динамика освоения основной образовательной программы начальной школы оставалась на второстепенном плане. Мы наблюдали, как педагоги начальной школы бояться появления в классах учеников с ООП. Да и родители, имеющие детей с особенностями, не горят желанием включать их в обычный образовательный процесс. Обе стороны решают этот вопрос в пользу надомного обучения. А как же социализация? – спросите вы, и будете совершенно правы. Социализация детей, получающих надомное образование, будет ниже нормы, потому что человек – существо социальное и для нормального развития ему необходимо взаимодействовать с людьми, а надомное обучение не обеспечивает социализацию на достаточном уровне. Был еще один вариант, который мы наблюдали: учителя работают на износ, пытаются «объять необъятное» стараются ввести ребенка с ООП в коллектив и других детей не упускают из вида. В результате такого труда педагога ребенок с ООП был неплохо социализирован, то есть дети его принимали, беспокоились о нем, общались с ним, оберегали от обидчиков, помогали, как могли с домашним заданием, но основная образовательная программа была совершенно не освоена даже наполовину. Может быть, этот результат и немало важный, но .... давайте не будем довольствоваться минимумом. Как же помочь нашим педагогам при введении инклюзивного образования?

Первое, что нужно сделать самим учителям – это осознать, что самообразование очень важный и нужный процесс, без которого повышение уровня обучения, воспитания и развития наших детей не возможно. Качественное преобразование образовательного процесса зависит от самообучения педагога, от его мотивации на самоизменения. Инклюзивное образование предполагает, что ребенок с особенностями в развитии обучается рядом с детьми без особенностей, но программы, по которым их обучают должны быть разными. В первом случае программа должна быть индивидуальной, разработанной специально для ребенка с особенностями в развитии и с учетом его возможностей и потребностей. Во втором же случае программа общеобразовательная, хотя все равно учитывать психологические особенности каждого ребенка педагог обязан. Составлять индивидуальные программы обучения детей с ООП учитель должен совместно с другими специалистами школы (педагог-психолог, дефектолог, логопед, социальный педагог, зам.

директора и мед. работник) и если педагог активно занимается самообразованием и образовательная организация помогает ему в специальном обучении, то педагогу не составит труда написать программу и эффективно ее реализовать вместе со специалистами. Главное понять, что «один в поле не воин» и успешность образовательной деятельности зависит от командной работы всего коллектива образовательной организации. Если в классе есть особые дети, значит должны привлекаться все ресурсы школы. Проведение внутришкольных семинаров и обучающих мастер-классов с приглашенными специалистами, значительно помогли бы в повышении квалификации педагогических кадров образовательной организации. Активное участие в конференциях посвященных инклюзивному образованию, вебинарах, курсах и т.д. так же расширили бы профессиональные возможности педагогов. «Кто ищет – тот всегда найдет» – гласит народная мудрость. Главное, что бы педагог хотел помочь и искал как это сделать.

Список используемых источников информации

1. Ярычев Н.У. Опыт реализации государственной социальной политики в чеченской республике: к вопросу о проблемах становления и дальнейшего развития // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – № 1. – 2008. – С. 209.
2. Ярычев Н.У., Ильясов Д.Ф. Концепция самообучающейся организации в отражении тенденций развития современной школы // Сибирский педагогический журнал. – 2011. – № 4. – С. 247.
3. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
4. Ярычев Н. У. Становление и развитие инновационных механизмов в образовательном пространстве Чеченской республики в условиях постконфликтного периода [Текст] / Н. У. Ярычев // Молодой ученый (ежемесячный научный журнал). – 2009. – № 4. – С. 290.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБДУЕВ Магомед Хаважиевич, ассистент кафедры управления персоналом факультета государственного управления ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет».

АБДУЛАЕВА Элита Султановна, кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории социальной работы юридического факультета ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет».

АЛГАЕВ Артур Нурдинович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Института чеченской и общей филологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет».

БУЛУЕВА Шумисат Исмаиловна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии Института общей и чеченской филологии ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»

ГАНТАМИРОВ Тимур Таусович, кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории социальной работы юридического факультета ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет».

ДУДАЕВ Геназ Саид-Хусейнович, старший преподаватель кафедры управления персоналом факультета государственного управления ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет».

ИНАРКАЕВА Субар Исмаиловна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой отечественной и мировой литературы Института чеченской и общей филологии ФГБОУ ВО "Чеченский государственный университет".

КУРБАНОВА Лида Увайсовна, доктор социологических наук, профессор теории и истории социальной работы юридического факультета ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет».

МАЛИКОВА Елена Васильевна, преподаватель кафедры управления персоналом факультета государственного управления ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет».

ТАЗУРКАЕВ Умар Иргизбаевич, ассистент кафедры теории и истории социальной работы юридического факультета ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет».

УМАРХАДЖИЕВА Седа Руслановна, ассистент кафедры теории и истории социальной работы юридического факультета ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет».

ХАСУЕВ Асланбек Эйляевич, ассистент кафедры теории и истории социальной работы юридического факультета ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет».

ЯРЫЧЕВ Насруди Увайсович, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории социальной работы юридического факультета ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет».

ЯУДАРОВА Наталья Юрьевна, старший преподаватель кафедры теории и истории социальной работы юридического факультета ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет».

Научное издание

Тенденции развития науки и образования

Сборник научных трудов, по материалам
VII международной научно-практической конференции
15 ноября 2015 г.

ISBN 978-5-9907360-6-1

Подписано в печать 03.11.2015. Тираж 400 экз.
Формат.60x84/16. Объем уч.-изд. л.3,22
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Ответственный редактор: Ярычев Насруди Увайсович